

ФРИДРИХ НЕЗНАНСКИЙ

Воспоминания
Терещенко

ЗОЛОТО ДИКОЙ СТАНИЦЫ

Фридрих Евсеевич Незнанский

Казак-разбойники

Серия «Возвращение Турецкого»

текст книги предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169322

*Золото дикой станицы: Роман: КРПА Олимп АСТ Москва АСТ; М.,
2008*

ISBN 978-5-17-048300-6/978-5-9713-8295-9/978-5-7390-2155-7

Аннотация

В станице Новоорлянская, где случайно оказывается Турецкий, творятся темные дела. Спасаясь от преследования местных милиционеров, он становится случайным свидетелем заговора между ограбившим его в поезде казачком и бандитом. Они обсуждают план ограбления вагона с золотом. Оказавшись между молотом и наковальней, Турецкий видит только один выход. Своим замыслом он делится со своим спасителем – бывшим начальником милиции Володей. Тот соглашается помочь московскому «важняку», поскольку давно возмущен беспределом, царящим в родной станице. Племянница Володи – отважная девушка Лена – спасает жизнь Турецкому, оказавшись вовремя в нужном месте.

Содержание

1	4
2	11
3	20
4	42
5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Фридрих Незнанский

«Казачи-разбойники»

Золото дикой станицы

1

С утра над Тихорецком гуляли тучи – тяжелые, черные, казалось – вот-вот разразится гроза, которую метеорологи обещали уже третий день кряду. Но подул ветер с юга, тучи дружной чередой помчались на север да так быстро, что небо прояснилось прямо на глазах.

– Опять жара весь день будет, – проворчала Тамара Семеновна, жена старшего оперуполномоченного Топоркова, накрывая стол к завтраку. На плите скворчала дежурная яичница с помидорами, а Тимофей все не шел. Она слышала из кухни, как он говорил в коридоре по телефону, прохаживаясь с трубкой, насколько хватало телефонного шнура.

– Петя, да о чем речь, конечно помогу, – донесся его громкий голос, словно он говорил не в трубку, а пытался докричаться в Москву через окно. Тамара по междугороднему звонку догадалась, с кем сейчас беседует ее муж.

– Ты своим тоже, – услышала она. – Да нет, не могу, лучше ты сам к нам приезжай. Мы тебе тут найдем какую-нибудь

казачку. А не захочешь – у нас и хохлушки красавицы. Давай, шевелись, а то годы идут, надумаешь ребенка родить, а тебя все будут за его дедушку принимать... Ну ладно, шучу, шучу. Но приглашение остается в силе, у нас сейчас сезон фруктов да ягод, все свое, бесплатное, ешь – не хочу. И жара, как будто лето продолжается, радикулит свой прогреешь. Ну, бывай.

Тимофей Иванович, все еще улыбаясь, зашел в кухню.

– Петя Щеткин звонил? – уточнила Тамара.

– Он самый, сто лет его голоса не слышал, а сразу узнал, – похвастался Тимофей.

– И в чем ты ему помочь можешь? Жениться, что ли? – пошутила Тамара, – Так помнишь пословицу – тридцать лет жены нет – и не будет. Мужу уже полтинник, а он все в женихах ходит.

– Нет. Жениться он не собирается. У него другие проблемы, – уклончиво ответил Тимофей. Он никогда не посвящал жену в свои служебные дела.

– Понятно... – вздохнула Тамара. Муж уже мысленно погрузился в чужие проблемы и молча ел яичницу. Теперь уже не поговоришь о всякой всячине. Тамара тоже молчала, не мешая ему думать, хотя ей это давалось и нелегко. Опять на целый день уйдет, и поговорить некогда...

– Все, бегу, – он на ходу прикоснулся губами к ее щеке и быстро засобирався.

– А чай почему не допил? – крикнула ему вслед жена и

услышала привычное:

– Некогда, на работе выпью.

Улица встретила его ярким солнцем и синим небом, хотя всю ночь грохотал гром и где-то вдали сверкали молнии. Но дождь и на этот раз обошел их стороной. Трава на газонах совсем пожухла, листья на деревьях скрючились. Природа изнывала без дождя. Вот так лето незаметно перешло в осень, а ее что-то совсем и не чувствуется.

Тимофей Иванович думал о разговоре с Петром. Когда-то начальство откомандировало Топоркова на курсы повышения квалификации в Москву, где он и подружился со Щеткиным. Когда же это было? – стал вспоминать он. О-о, уже двенадцать лет прошло. Петр Щеткин приглашал его несколько раз к себе домой, познакомил с сестрой и племянницей. Если бы Топорков не был женат и счастлив в браке, он обязательно поухаживал бы за сестрой своего друга. Она была очень миловидной, характер добрый, мягкий, хозяйственная, гостеприимная. Но от добра добра не ищут. Со своей женой он уже много лет жил в любви и согласии. И жалел только об одном – нажили они одного-единственного сына, а ведь мечтали о куче ребятишек... Так что Тимофей только бросал украдкой робкие взгляды на сестрицу Петра и иногда ловил ее смущенные взгляды. Потом, когда Топорков наезжал в Москву, у них с Петром сложилась добрая традиция – хоть один вечерок проводить в неформальной обстановке. Однажды удалось и Петра заманить в отпуск в Тихорецк, и

он признался, что давно так не отдыхал. У Топоркова был просторный одноэтажный особняк, который достался ему в наследство от родителей. В небольшом саду росли всевозможные фруктовые деревья, и Петр целыми днями лежал в гамаке и читал приключенческую литературу из домашней библиотеки Алешки – сына Тимофея и Тамары, поедая яблоки, груши, абрикосы, особенно он полюбил ягоды шелковицы, поскольку до сих пор о них только слышал. Даже видеть не доводилось. Шелковичное дерево росло у калитки – старое, огромное, и Алешка залезал на него и набирал в бидончик ягод для московского гостя. Потом спускался весь измазанный в шелковичном соке, потому что ягоды были такие крупные и спелые, что он не мог удержаться и поедал их, сидя на толстой ветке. Щеткин стоял под деревом и изнывал от нетерпения, подгоняя прожорливого Алешку, хотя ягоды были такие сладкие, что много съесть Петр не мог. Вечерами они с Тимофеем говорили обо всем на свете, но постоянно возвращались к профессиональным делам. Алешка всегда крутился рядом и слушал их рассказы, наматывая себе на ус. Никогда у него еще не было на улице таких благодарных слушателей, как в то лето. Ему тогда казалось, что все самое интересное происходит в Москве. И мечтал, что когда вырастет, обязательно поедет учиться в столицу.

Со временем встречались все реже. Ездить в Москву как-то не было надобности, в Тихорецк Щеткин тоже больше не навещался, не желая обременять своим присутствием

друзей. Топорков подозревал, что на его приглашения Петр отвечает отказом вовсе не оттого, что занят под завязку. У всех людей раз в году бывает отпуск, просто такой он скромный. Решил для себя, что нечего злоупотреблять гостеприимством Топорковых, и тут хоть тресни. Кроме того, что он отличался скромностью, был еще и упертый, хоть кол на голове теши. И вот сегодня неожиданно возник, да еще с такой непростой просьбой. Как он сам выразился: «Помоги найти человека, который сошел с поезда Москва-Новороссийск где-то в вашем районе».

– А конкретнее назвать место не можешь? – на всякий случай спросил Топорков, хотя и так знал ответ.

– А конкретнее мы бы сами взяли билет да и приехали на это место, – поддел товарища Щеткин.

Топорков уже по дороге на работу понял, что лучшей кандидатуры для поисков, чем сержант Королев, нет. Помимо того, что он не утратил свой пыл молодого следователя, отличался амбициозностью и готов был горы перевернуть, чтобы обскать своих коллег. Голова у него была всегда ясная, он просчитывал все ходы, предлагая многовариантные решения, как в математических задачах, а под занавес выбирал из них именно то, что нужно.

Королев с готовностью принялся за поиски пропавшего москвича. Уже через три дня он нашел путевых рабочих, которые очень нелицеприятно отозвались о своем обидчике, пассажире из поезда Москва-Новороссийск, свалившегося

им на голову в чистом поле среди ночи, как раз в то время, когда они честно зарабатывали на свой кусок хлеба. Королев немало удивился нелестной характеристике, и потом уже, докладывая Топоркову о проделанной работе, все-таки спросил:

– А это тот человек или нет? По описанию он, но чтобы московский важняк первый набрасывался на путевого обходчика да еще так измочалил его, что-то мне верится с трудом.

– Он, он, – успокоил его Топорков. – Просто, видишь ли, у человека обстоятельства такие сложились, что по другому он себя вести не мог. Обокрал его в вагоне-ресторане один наш местный, вот он и хотел разобраться. Только ошибся маленько...

– Обстоятельства всякие бывают, это точно, – подтвердил Королев, довольный, что напал на след именно того, кого нужно. Хорошо бы заодно найти и вора, но преступление было совершено за пределами Тихорецкого района, а там свое отделение милиции. Наверное, уже сами ищут.

Только он вышел из кабинета, как Топорков уже звонил в Москву и докладывал Петру Щеткину, что первичная работа проведена успешно. На след Турецкого вышли. Но тут же оный след и потеряли. Поскольку лишних людей в подчинении Топоркова как не было, так и нет. А вплотную заняться поисками никак невозможно, за последнее время на территории Тихорецкого района было совершен ряд серьезных

преступлений, все сотрудники милиции зашиваются.

– Присылайте своего человека. Мы ему тут на месте создадим наиболее благоприятные условия. Чем сможем – тем поможем, – пообещал Топорков своему товарищу.

Щеткин очень обрадовался, что след Турецкого все-таки обнаружился.

– Пришлем своего человека. А тебе, Тимофей, огромная благодарность.

Топорков был рад, что сумел хоть как-то помочь московским коллегам. Хотя это капля в море по сравнению с тем, какую еще придется проводить работу по поискам человека, умудрившегося в незнакомом месте залечь так, что о нем ни слуху, ни духу.

Ирина проснулась мрачнее тучи. Яростно чистя зубы, она размышляла о своей горькой судьбине. И ведь бывают же счастливые женщины, обладательницы спокойных заботливых мужей, которые все несут в дом, а жену берегут, как зеницу ока. То есть не нервируют свою дражайшую половину, всегда находятся в досягаемом пространстве, отзывчивы на доброе слово и готовы свою жену холить и лелеять за одну ее нежную улыбку. Она призадумалась, пытаясь вспомнить таких счастливиц из своего окружения, но попытка не удалась. Ну и не важно, такие все равно существуют. Иначе почему возникла крылатая фраза «Человек создан для счастья, как птица для полета»? А ей достался какой-то вечный странник, с ним жизнь – как на вулкане. Никогда не знаешь, что он выкинет в следующие полчаса. А как выпьет да еще и обидится незнамо на что – все, суши весла! Ну это нормально? – думала она, сплевывая остатки зубной пасты, от ярости явно выдавила из тюбика лишку, – напридумывал себе всякую чушь и отправился в кругосветное путешествие. Ладно – выпил, не впервой, так сиди дома и отсыпайся. В крайнем случае опохмелись, хрен с тобой. А он на вокзал и в поезд. И куда, спрашивается, наострил лыжи? И с какого будуна сошел на неизвестной станции? А то, что с будуна, у нее сомнений не вызывало. Трезвый Шурик всегда очень пунктуа-

лен и мыслит очень даже здраво. Вот есть же у него положительные черты! Почему их не развивать, как всякому интеллигентному человеку, который стремится к самосовершенствованию? Правда, Катька ей как-то говорила в утешение: «Твой Шурик – человек необыкновенный, талантливый. А с талантливыми людьми всегда трудно жить. Но ты же сама себе такого выбрала. Могла бы выйти замуж за сантехника». А с чего она, собственно, решила, что с сантехниками жить проще? Из соображений, что чем меньше у человека голова забита знаниями, тем они проще? Правда, их работа не требует дальних командировок, но там наверняка свои проблемы. И тоже алкогольные...

На кухне Катька загремела кастрюлькой. Небось варит себе овсянку. И заранее злится, что ее придется еще и есть – такую слизкую и серую массу, на которую без отвращения не взглянешь. И зачем садиться на такую невкусную диету? Перешла бы на яблоки, эффект тот же. Так нет, нужно варить эту гадость и заталкивать ее в себя со скорбным видом на глазах у подруги, чтобы та прочувствовала, как она страдает. И только потому, что заботливая Ирина как-то посоветовала ей: «Ты, Катюша, на ночь бутерброды не лопай, а то растолстеешь». И что такого она ей сказала? Позаботилась о фигуре подружки, ей же замуж когда-нибудь выходить, а та теперь с видом великомученицы ест всякую дрянь, а на ночь пьет зеленый чай литрами. Кстати, похорошела, и цвет лица стал здоровее. Но характер явно испортился. Голодные лю-

ди редко бывают оптимистами, Ира эту истину знала непонаслышке.

Ирина вышла на кухню, приветливо поздоровалась с Катериной. Та хмуро что-то пробурчала в ответ. В глазах стояла вселенская тоска. Горка серого дымящегося варева могла отбить аппетит у кого угодно. Хоть отворачивайся...

– На воде варила? – уточнила Ирина.

– От молока поправляются... – буркнула подружка и, содрогнувшись, отправила в рот очередную ложку каши.

– Приятного аппетита! – лучезарно улыбнулась Ирина, чтобы подбодрить Катю. Та вскинула свои угрюмые бровки, но ничего не ответила. И куда девалось ее обычное по утрам веселое настроение? Называется, приехала поддерживать подругу. Да она сама нуждается в утешении... Завтрак прошел в молчании. Темы исчезновения Турецкого с некоторых пор по негласному уговору не касались.

– Все, побежала... – вскочила из-за стола Катя, стойко проглотив последнюю ложку каши.

– Я тоже бегу. Может, новости какие-то поступили. Приду поздно. Работой завалили, чтобы меньше печальных мыслей в голову приходило – это так мне ребята сказали. Да, не забудь, что обещала у меня пожить, пока не надоест, – напомнила Ирина.

– Еще не надоело, – ответила Катя, явно повеселевшая, потому что утренняя попытка овсянкой осталась позади, а впереди рабочий день, много пациентов, и, может, среди них

окажется один здоровый и красивый, пускай не принц и не на белом коне, но тот самый, которого Катя ждет много лет, а он что-то припозднился. Правда, здоровые редко посещают поликлинику. Но есть же такие, которые заботятся о своем здоровье и проходят диспансеризацию.

Катерина оставила тарелку на столе и бросилась одеваться. В чужом доме посуду она не мыла принципиально. Ирина привычно все свалила в раковину. Еще не хватало – с утра запрыгать себя мойкой посуды. И так жизнь паршивая.

Новости поступили к полудню. Щеткин даже не стал говорить о них по телефону. Удостоверился только, что Ирина сидит на своем рабочем месте и занимается, соответственно, своими прямыми обязанностями. Чтoб она не отвлекалась от дела, даже не предупредил, что ему есть чем ее порадовать.

– Ну что, Ирина Генриховна, рассказать, как оперативно работают наши органы? – официальным тоном начал он прямо с порога, чтобы придать своей информации должный пафос.

– Про Шурика? – тут же подняла голову от бумаг Ирина и в ее глазах засветилась надежда.

– Про нашего лучшего опера, которому цены нет, если бы не отдельные его недостатки. Так сказать – мелочь. Смыться от проблем и заставить всех друзей и солидные организации стоять на ушах.

– Ой, Петечка, только без нравoучений. Не по адресу. А Шурик их и так не слышит.

– Есть информация, где сошел твой драгоценный с поезда.

– Где? – выдохнула Ирина, округлив глаза.

– Сначала – как! – Щеткин не давал сбить себя с толку.

Он хотел заодно и покрасоваться перед Ириной, подчеркнуть лишний раз, с какими людьми работает ее благоверный.

– Ой не тяни, Петечка, я и так несчастная.

– Без предыстории никак нельзя. В общем события разворачивались в районе населенного пункта, о котором ты не знаешь, слухом не слыхивала. А вот следственные действия доблестных работников МУРа как раз по теме. Одним словом, вышли мы на официанта вагона-ресторана, где наш герой с удовольствием оттягивался чуть ли не сутки, до глубокой ночи. По официальной фотографии из личного дела Александра Борисовича официант сначала его не узнал, отнекивался, дескать, народу в ресторане навалом, постоянно мельтешат то одни, то другие, всех не упомнишь. Наш опер ему Сашину фотку показал, ну ту, где мы Новый год справляли, помнишь? Он там еще такой пьяненький... – вспомнил сразу. Ну как же, говорит, дольше всех сидел, насупленный, столько выпил – не каждому под силу. Потом с каким-то молодым франтом беседу вел, жалились они друг другу на баб. Сам, говорил официант, слышал, – как пройду мимо с заказом – те все о бабах да их неверности. Наш опер насел, чтобы каждую деталь вспомнил из услышанного. Дескать, важно очень. Тот и вспомнил. Про какие-то колготки... Ты не в курсе, Ира, что он имел ввиду?

– Да понятия не имею! – как отрезала Ирина. Деталь о колготках ее почему-то задела. Не понравилась. И главное – непонятно, при чем тут этот предмет женского туалета.

– А потом официант поведал, что молодой как-то незаметно вышел, словно испарился, а твой красавец уснул за столиком, как будто в собственной спальне. Но тут, слушай меня внимательно, кто-то сорвал стоп-кран, Саша проснулся и вдруг как рванет к выходу. Официант жаловался – столько пил и ел и не расплатился. Как будто заранее рассчитывал смыться. Ну, наш официант тоже не лыком шит – решил организовать поиски наглого клиента, но они как начались – так сразу и закончились. Потому как оказалось, что в тамбуре дверь вагона-ресторана распахнута, и сколько они не смотрели в ночь – ничего не увидели. Не сходить же с поезда, разыскивая халявщика. Тем более, что поезд скоро тронулся. Так что все официанты скинулись и покрыли недостачу. Не отдуваться же одному. У них негласный кодекс – выручать друг друга в подобных случаях. А то действительно, народ все время меняется, за всеми не уследишь.

– Так где он выскочил? – Ирина слушала Петра, а сама с нетерпением ждала конца предыстории, которая хоть и была небезынтересной, но явно затянулась.

– В чистом поле. Это слова официанта.

– И это вся твоя информация? – недоверчиво спросила Ирина.

– Почему же, я тебе еще кое-что могу сообщить, – хитро

улыбнулся Щеткин. – Наш человек побывал в этом месте. Ну, где Сашу поколотили.

– Как поколотили? – упавшим голосом едва выдавила из себя Ирина.

– Да видишь ли, это тема для отдельного расследования. Саша почему-то, сиганув из вагона, набросился на путевых рабочих, дрался, как зверь. Они прямо ошалели. Ну и ему досталось. Их-то было четверо. Говорят, он сначала набросился на одного, а как их увидел, кинулся за отходившим поездом. Да упал неудачно. Тут они его и настигли. В пылу драки они не особо прислушивались к его словам, припоминают, что он о какой-то ошибке говорил, что обокрали... Что-то о том, что его обокрали. Но они ему не поверили. Решили – хотел на жалость давить, чтоб отпустили. Хотя зачем ему тогда с поезда понадобилось спрыгивать чуть ли не на ходу, почему-то не задумались.

– Так и знала! И Катька догадалась, что его обокрали!

– А это еще кто? Неужели твоя подружка медработник? Ума палата! Если догадались раньше нас, почему не сообщали? – сделал строгое лицо Щеткин.

– Почему, почему... – огрызнулась Ирина. – Да потому, что мне эта дурацкая Катькина версия показалась бредом. Ты мне лучше скажи, что же дальше Шурик натворил.

– Остался лежать на железнодорожной насыпи. Эти работы ввалили ему по первое число.

– Да ты что?! – ужаснулась Ирина. – И никто не поинте-

ресовался, жив ли он, может, он нуждался в медицинской помощи?

— Да жив, жив. Не пугайся так. Они проверяли — он дышал. Но тащить этого террориста на себе ночью в медпункт им как-то в голову не пришло. Не для того они его так метелили. А чтоб не бросался на трудящихся. Сильно разозлились на него. В то время, когда одни ночью пашут, как проклятые, на тяжелых физических работах, какой-то городской хмырь спяну спрыгивает с поезда и бросается колошматить их дружбана. Разве кто из мужиков может смириться с такой несправедливостью? Они так и сказали: наказали вашего городского за дело. Долго теперь помнить будет... И главное — не проверишь, кто прав. Жертвы ночной разборки на месте не оказалось, куда-то он уже умотал. Свидетелей нет. Мужики раскололись не потому, что решили помочь следствию. А чтобы справедливость доказать. Кстати, по фотографии его только один узнал, тот, кто смотрел — не переусердствовали ли они с наказанием. Саша лежал как раз под фонарем. Там вдоль путей такое освещение, хоть книги читай. Вот так, дорогая... Так что наша задача теперь прочесать близлежащие станции, поселки и станицы, в общем — все населенные пункты. Должен же он где-то объявиться. Фигура приметная — собой хорош, наш ясный сокол, морда помятая, подпорченная после физического внушения. Аборигены наверняка его уже заметили. Может, и ментам уже донесли. Может, менты его уже и арестовали.

Ирина тихонько вздохнула.

– Ну и перспективу ты обрисовал, Петя...Прямо тоска разбирает. И когда вы приступите к исполнению этой задачи? В смысле – начнете конкретно прочесывать эти населенные пункты?

– После совещания, с картой данной местности в руках, – деловито пообещал Щеткин. И не менее деловито поинтересовался: – Ты-то как, в состоянии работать? Или все-таки возьмешь отпуск?

– Не возьму, – твердо заявила Ирина. – Когда я дома, только о Шурике и думаю. А здесь погружусь в работу, хоть отвлекусь. Кстати, психологический портрет «Лесоруба» уже почти готов.

– Ну и молодец. Давай заканчивай. Как только завершишь – свистни мне.

Щеткин вышел с чувством исполненного долга. Хоть и маленькую, но утешительную информацию Ирине он принес. Турецкий пропал не бесследно, кое-какие следы за собой он оставляет. Хоть есть за что зацепиться. Все-таки алкоголь не всегда враг человеку. Если бы Александр Борисович не напился, никто бы его не запомнил. И ищи ветра в поле!

За долгую жизнь опера Турецкому сотни раз приходилось и в засаде сидеть, и скрываться от преследователей, слыша их голоса чуть ли не в двух шагах от себя. Можно было бы и привыкнуть к экстремальным ситуациям, но сердце каждый раз колотилось так, как будто готово было выпрыгнуть из груди. И ведь не страх заставлял сжаться и обливаться потом, а элементарная биология. Никуда от нее не деться. Вот и сейчас – сердце колотится где-то у самого горла, пальцы непроизвольно сжались в кулаки оттого, что опасность грозит не только ему, но и хозяевам дома, ни в чем не повинным людям, всего навсего давшим ему приют. Правда, не только приют. Они спасают его жизнь. Жизнь человека, которого впервые видят, но поверили ему, хотя знают, что в глазах и милиции, и казаков он опасный преступник.

Турецкий затаился на чердаке, куда спровадил его хозяин дома, приказав Лене отвести гостя подальше от глаз незваных гостей. Он прислушивался к пьяным крикам казаков и возне у двери Володиного дома, прикинув к крохотному пыльному окошку, и пытался разглядеть в темноте, что происходит во дворе.

В лунном свете четко вырисовывались черные фигуры в казачьих формах. Турецкий машинально пересчитал их – ничего себе, аж семеро пришли по его душу. Здорово он до-

пек местные власти. Не успели менты отвалить, тут как тут казаки прискакали, словно в очереди стояли. Интересно, почему они выбирают один и тот же объект для проверки? Видно, Володя у них на особом счету, коль окружили дом и уверенно требуют открыть дверь.

– Давай отчиняй! – вопил кто-то хриплым пьяным голосом. – Никто сегодня спать не будет, мать вашу!

Все при оружии, агрессивные, будто и в самом деле станция на военном положении, а охотятся они за матерым преступником, оставившим за собой страшный кровавый след. А ведь и на самом деле тянется за Турецким кровавый след. Тот перепуганный дядька, с которым столкнулся Турецкий в чужом дворе, наверняка описал всю страшную картину убийства, хотя видел только окровавленного Олежку на руках незнакомца. Остальное домыслил сам да еще и приукрасил...

– Сукодеи! Вражины! Бэмби убили! Сдохну, а тому гаду его ж кишки покажу! – надрывался под дверью какой-то особенно лютый казак. В темноте не было видно, кому принадлежит этот истеричный голос, но представлялся некто невысокого роста астенического телосложения, вертлявый и наглый.

Упоминание имени Бэмби прояснило всю картину. Наконец все сложилось. Как картинка, которую надо сложить из перепутанных деталей пазла. Теперь понятно, почему в охоте за Турецким решили поучаствовать и казаки. Менты обо-

злились на Турецкого, потому что он сбежал среди бела дня у них под носом да еще коня начальника милиции экспроприировал. Рыскали, искали по всей округе и наконец напали на след. Да вот потеряли его и убрались восвояси. А казаки, выходит, считают, что он убил Бэмби. А Олежка Бэмби ведь брат их атамана, или кто он там у них – этот Куренной. Самого что-то не видно. Послал своих подчиненных разыскивать кровного врага... Хоть орали все разом, Турецкий вполне различал отдельные выкрики неожиданных гостей.

– Отчиняй! Отчиняй, мусор! Я сейчас двери буду ломать! – донесся взвизгливый истеричный голос того самого казака. – Братаны! Сколько ждать еще будем? Давай все навалимся!

– Нехай сам выходит, – пробасил кто-то. – Не глухой же он, чуе, шо мы тут под дверью...

Самый длинный из них раздвинул руками столпившихся у двери казаков и вмешался в общий галдеж. И хотя по его голосу Турецкий понял, что этот здоровяк уже хорошенько принял на грудь, рассуждал он весьма здраво.

– Остынь! Ничего не ломать тут! Володя, открой – это Дима!

Дверь скрипнула и отворилась. Крупная фигура Володи появилась перед толпой. Дверь он закрыл не сразу и на фоне освещенного квадрата дверного проема его фигура выглядела внушительно, хотя он и был на полголовы ниже длинного. Расставив ноги и скрестив руки на груди, Володя сурово

пробасил:

– Ну, тут я. Шо надо? Не нагулялись еще? Все хорошие люди по домам сидят, ко сну готовятся. Одни вы носитесь по деревне, як разбойники. А ты, Димон, уйми своих вояк.

Невысокий вертлявый казак выскочил из толпы и Турецкий понял, кому принадлежал истерический голос. Он в ярости заорал Володе прямо в лицо:

– Ты...Ты...Мусор! Ты всегда Бэмби ненавидел! Ты же его убить хотел! Думаешь, мы забыли? Шо, радуешься теперь, да?

Его рука потянулась к пистолету:

– Я тебе сейчас морду прострелю!

– Совсем сдурел! – будничным голосом заметил Володя, не меняя позы.

«Кремень мужик, – подумал с уважением Турецкий. – Его пистолетом не напугаешь».

– Да тихо! Тихо! Чего ты взъелся, Клест? – Димон небрежно отстранил рукой вертлявого. – Казачок благородно поступил. Ушел из ментовки. Раскаялся, никуда не бежал. Живет здесь, с нами. Ты ведь наш, Володя?

Тот упрямо наклонил голову и веско ответил:

– Я не ваш. Я свой.

– Ясно... – Димону явно не хотелось затевать ссору. – Лени позови.

– Она спит, – сердито ответил Володя.

– Нет. Не спит, – заупрямился Димон и заорал во весь

голос: – Лена!

Володя привалился к закрытой двери и угрожающе посоветовал:

– Замолкни! Нечего у меня тут на дворе базар устраивать. У себя на плацу команды отдавайте, вояки хреновы. А здесь частная собственность. Моя хата, мой двор. Понял?

Димон такого отпора не ожидал. Он действительно умолк, но только на секунду. И тут же попер на Володю, пытаясь оттеснить его от двери.

– Чего ты сказал? Ты шо-то спутал, начальник. Ты тут живой только потому, шо племянница твоя знаешь кто? Моя невеста!

Казаки загалдели, а Димон уже ухватил за плечо Володю и заорал:

– Лена!!! Выйди, поговорить надо!

Володя схватил его за руки и оттолкнул от двери. Но Димон опять налетел на Володю, оттаскивая его от двери. Казачки дружно бросились на подмогу и Турецкий, наблюдая потасовку из окошка, уже готов был выскочить на помощь Володе. Внезапно дверь распахнулась и на пороге появилась Лена с карабином в руках. Турецкий даже залюбовался ею, вспомнив картину про французскую революцию «На баррикадах». Девушка отважно смотрела на толпу разъяренных казаков, направив на них карабин.

– А ну-ка всем назад! Шо, погано слышно?!

Молодой казачок насмешливо протянул:

– Та он не заряжен!

Казаки пьяно загоготали. У Димона губы тоже растянулись в пьяной ухмылке, и он не сразу отреагировал, когда карабин в руках Лены выстрелил.

– Ну, девка, ты даешь! – наконец восхищенно воскликнул он. – Хорошо, хватило ума вверх пальнуть! А то бы хтось щас валялся тут в кровячке.

Он разжал руки и отпустил Володю.

– Скажи спасибо своей племяшке, шо такая храбрая!

Лена зло выкрикнула ему в лицо:

– Ты шо надумал, Димочка? У нас в хате обыск устроить? А ну гэть видселя! Я с тобой завтра побалакаю. И объясню тебе, чья я невеста! Нашелся женишок! С каких это пор? Когда это я тебе слово давала?

Димон, все еще улыбаясь, подошел к Лене и остановился только тогда, когда дуло карабина уперлось ему в лоб.

– О, по-нашему заговорила. А то все из себя интеллигентку строишь. Какая ты красивая... А я ж тебя давно люблю. Ну и шо с того, шо слово не давала? Ты его вообще никому не давала. Шо я – не знаю, шо и Волохов за тобой сохнет, и Серый трепался, шо стоит ему тебя пальцем поманить, ты сразу вся его будешь? А я хитрый, я выжидаю. Раз ты никому глазки не строишь, значит – моя будешь. Понимаешь? Для меня осталась и моей невестой будешь!

Казаки одобрительно загудели и Димон, чувствуя их поддержку, азартно выкрикнул:

– Ну давай, стреляй в меня! Давай...

Турецкий уже не удивился, когда Лена стала медленно опускать карабин, пока дуло не остановилось на уровне паха Димона. Смелая девушка, под стать своему дядьке – подумал он. Решительный голос Лены перекрыл ропот казаков:

– Гэть! Я стреляю хорошо. Це у нас семейное...

– Ну все, все... – криво усмехнулся Димон, с опаской отодвигаясь от Лены. – Уходим... Пошли, хлопцы. А то у нее шо-то поганое настроение. А когда у девчат поганое настроение, от них всего можно ожидать...

Казаки опять загалдели, но решительность девушки подействовала на них отрезвляюще. Только самый молодой из них еще хорохорился и пытался уговорить казаков прошмонат хату бывшего мента.

– Пошли, – потянул его за рукав Димон. – Мент не станет ховать у себя бандита. Он же у нас законник! А це уже на всю жизнь, як поганая болезнь.

Казаки пьяно захохотали и скрылись в темноте.

Турецкий с облегчением вздохнул и лег прямо на жесткий пол, вытянувшись во весь рост и расслабив напряженные мышцы. Пахло пылью и старыми вещами. Чердак был захламлен какими-то узлами и ящиками, всеми теми ненужными в хозяйстве вещами, которые жалко выбросить, хотя они, может, уже никогда не понадобятся. Вот их и стаскивают хозяева на чердак, с глаз долой, а потом напрочь забывают о них. Паутина лохмотьями свисала с балок под потолком, а

что творилось по углам, можно было только представить.

Турецкий взялся за бок и поморщился от боли. Хорошо хоть не сломаны ребра, а то и вздохнуть не смог бы в полную силу. Рука нашарила в кармане сложенный лист бумаги. Он опять подполз к окну, чтобы при ярком свете луны рассмотреть запись. Рядом с примитивной схемой кто-то корявым почерком набросал ряд цифр. Ну что ж, расшифровать запись не составляло особого труда, записка писалась второпях, но вполне разборчиво. Скорее всего Олежка и писал, не предполагая, что она попадет в чужие руки... «14.35» и «ваг № 240002210 рыж.»

Заскрипели ступеньки, и дверца в полу приподнялась ровно настолько, чтобы в нее пролезла Лена, протискиваясь в обнимку с одеялом и подушкой.

– Это вам, – смущенно проговорила она, встретившись взглядом с Турецким. Он почему-то тоже испытал легкое смущение.

– Балуешь меня, – перешел на «ты» Турецкий. – А я тут приготовился совсем по-походному расположиться. Видишь, успел уже поваляться на полу, – принялся он отряхивать джинсы, предполагая, что вряд ли за последние годы тут мыли полы.

– Тут пыльно, вы уж извините. Я давно на чердак не забиралась. Не люблю запах старых вещей. А сейчас подумала – жестко лежать на голом полу. А вам, наверное, больно... – догадалась она, заметив легкую гримасу на лице Турецкого,

когда он неловко повернулся и опять ощутил боль в боку.

– Да нет, уже не так... Привыкаю, наверное, – покривил душой Турецкий. Не хотелось в глазах девушки выглядеть таким страдальцем. – А ты храбрая девушка. Я тут наблюдал за осадой вашего дома из окошка. Здорово ты припугнула этих ряженных своим карабином. Спасибо тебе. Правда, до сих пор мне не приходилось прятаться за спиной женщины. Даже как-то неловко.

– Да что вы... На самом деле я не такая уж и храбрая. Это я со зла. Ненавижу этих наглых самозванцев. За дядю Володю испугалась, за вас. Когда вижу несправедливость, меня всегда на подвиги тянет. За себя не могу постоять, такой у меня дурацкий характер. А за своих готова на кого угодно наброситься. Гнев глаза застилает, себя не помню. Иногда думаю – вдруг со мной что-то не в порядке?

– И часто такое с тобой бывает? – заулыбался Турецкий, радуясь, что Лена разоткровенничалась и исчезла неловкость, которую он почему-то испытывал рядом с ней.

– Раза три за всю жизнь было, – призналась Лена.

– Ну тогда ничего. Все с тобой в порядке. Никакой клиники не вижу.

Лена тихонько засмеялась и принялась по хозяйски расстилать одеяло и взбивать подушку.

– А стрелять где научилась? Я понял – карабин держишь в руках не в первый раз.

– Дядя Володя научил. Мы с ним в лесополосу ездили по-

упражняться. Он сказал – в жизни все надо уметь. Когда я в институте еще училась, иногда с ребятами в тир ходила. Прикольно было, развлекались так. Но тогда я просто, для удовольствия стреляла. А здесь, дядя Володя сказал, суровая необходимость. Обстановка очень беспокойная, – серьезно сказала девушка и провела рукой по одеялу.

– Да вы садитесь, в ногах правды нет...

– Лен... А я ведь собрался уже уходить. – Сменил шуточный тон на серьезный Турецкий. – А то твой жених с друзьями еще раз придет... Когда протрезвеет. И тогда уже не станет играть роль влюбленного человека.

– А он мне и не жених вовсе, – вскинулась Лена. – Просто проходу не дает. Но я на него ноль внимания, хотя и побаиваюсь. Опасный он человек... И уходить вам никак нельзя. Они вас по всей Новоорлянской ищут – и менты, и казаки. Уже, наверное, все оцепили. Вас же пристрелят... Вы не представляете, на что они способны. Дядя Володя говорит, у нас здесь полный беспредел.

Турецкий, раздумывая над ее словами, повернулся к окну. Станица затихла, в окнах погасли огни. Все вокруг наконец успокоилось и не верилось, что в этой умиротворенной тишине его подстерегает по крайней мере десяток людей со стволами. Даже собаки перестали лаять, видимо, исчерпав свой лимит рвения. Звездное небо нависло нарядным шатром над станицей. Темные тени, которые отбрасывали деревья и дома, напоминали театральные декорации.

– Дядя Володя сказал – утром решим, что делать, – нарушила молчание Лена, неуверенно глядя на Турецкого.

– А если все-таки придут? Вы же в первую очередь пострадаете. Я не могу этого допустить.

– Да бросьте, – хмыкнула Лена. – В первый раз, что ли? Отобьемся!

Она села на одеяло, поджала ноги и натянула подол платья на колени, уютно обхватив их руками.

– Вон когда дядя Володя начальником отделения был – и не такое случилось. Один раз даже хату подпалили. И ничего... Мы быстренько огонь погасили, дядя Володя пострелял вокруг, на том дело и кончилось.

– Кто подпалил? Казаки?

– Нет, тогда еще здешние парни в казаки не подались. Просто рэкетом занимались. Дядя Володя их ловил, ловил... Ну и ничего не получалось. Зажимали его сильно. А потом драка пьяная была с этими из Ворыпаевской... Они все время с нашими конфликтуют. А дядя Володя их всех задержал. А Олежка Бэмби на него пистолет наставил – ну дядя Володя выстрелил, пистолет у него из руки выбил – руку прострелил... Пришлось палец отрезать...

Она с удивлением заметила улыбку на лице Турецкого, но ничего не спросила.

– Вот тогда нас и подпалили. Ну а потом дядя Володя ушел из милиции. Они там всех купили, а его не смогли. Он смелый, честный...

В ее словах прозвучала такая гордость за Володю, что Турецкий понял – выше авторитета, чем ее дядя, для нее не существует.

– С тех пор они его и не любят... – продолжила Лена. – А вы правда Олежку Бэмби не убивали?

– Правда, Леночка, правда.

Лена помолчала, присматриваясь к Турецкому. Наконец решительно спросила:

– А скажите... Там в Москве с вами что-то ужасное случилось? Ну, когда вы убежали оттуда. А про жену придумали, потому что это все тайна? За вами гнался кто-то?

Турецкий нахмурился. Ему совсем не хотелось развивать тему, которая так интересовала Лену. А она, по всей видимости, ждала интересного рассказа и по-детски приоткрыла рот.

– Никто за мной не гнался, – нехотя ответил он. – Никто, кроме собственного самолюбия. Если тебе это понятно.

– Конечно, понятно. – обиделась Лена. – Уязвленное самолюбие может до чего угодно довести человека.

– И у тебя, бедняжки, есть уже такой опыт? – сочувствующе спросил Турецкий.

– Вы не смотрите, что я так молодо выгляжу. Мне уже двадцать два. И кое-какой горький опыт у меня тоже имеется. Я в этой глуши, может, душевные раны залечиваю.

Турецкий с интересом взглянул на нее.

– А чем ты здесь занимаешься, спасительница моя? Речь

у тебя развита, как у читающего человека. А когда разговаривала со своим женихом, я подумал, что ты местная.

– Во-первых, Димон мне не жених. Я вам уже говорила, – опять обиделась Лена. – Во-вторых, я преподаю русский в местной школе. Между прочим, закончила Краснодарский пединститут. А в третьих, знаете как говорят – с волками жить, по волчьи выть. Говорю с ними на доступном им языке. Все-таки живу здесь уже два года, подучилась.

– Не обижайся на меня, Леночка, – Турецкий протянул руку и слегка пожал ее пальцы. – Конечно, как это мне в голову могло прийти, что этот пьяный бандит твой жених? Да он недостоин даже близко к вашему дому подходить! Но ты ему нравишься, это определено. Видишь – алкоголь ему язык развязал, вот и признался при всем честном народе. Не зря говорят – что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

– Лучше бы я им никому не нравилась. Спокойнее жила бы, – с досадой ответила Лена.

– Пристают?

– Проходу не дают. Даже обидно. Не то, чтобы я ставила себя выше станичных. У нас есть своя интеллигенция. Да все женаты. А за мной все больше бывшая шпана ухлестывает. Если не казачки, то милиционер. И то – форму понацепляли, а на самом деле обыкновенные бандиты, – грустно вздохнула Лена. – Иногда думаю – что же мне попадается всякая шваль? Неужели что-то во мне такое, что притягивает именно их? Вроде никакого повода не даю...

– А наглые всегда действуют решительнее, чем приличные, – попытался ее утешить Александр.

Турецкий хотел сказать ей еще что-нибудь утешительное, но грохот на первом этаже заставил его прислушаться. Раздался звон разбитого стекла, затем нечленораздельный вопль Володи вынудил Лену вскочить. Турецкий вопросительно взглянул на нее, а она уже метнулась к дверце, обреченно бросив через плечо:

– Только не это! Все-таки выпил... А ведь ему нельзя...

Она торопливо затопотала по ступенькам вниз и Турецкий услышал ее сердитый голос:

– Отдай!

– Отставить! – по военному прикрикнул на нее Володя.

– Отдай!

– Отставить! Лена!.. На горшок и спать!

– Да что же это такое? – вскрикнула Лена.

Раздался новый грохот. Турецкий поспешил к люку предполагая, что пока он вел неспешный разговор с Леной, Володя времени даром не терял. Он успел уже здорово набраться, и, похоже, останавливаться на этом не собирался. Более того, настроен он был довольно воинственно. Удивительно, как Лене удалось разоружить крепкого мужика. И теперь она сидела на полу, прижав карабин к груди, а пьяный в зюзу Володя стоял над ней, покачиваясь, у перевернутой табуретки в глубокой задумчивости. Видимо, воспользовавшись тем, что Лена задержалась на чердаке, он тщательно готовился

к исполнению своих давно позабытых обязанностей. Не забыл набросить милицейский китель, и хотя на голом теле он смотрелся несколько странновато, некий шик в этом присутствовал. Завершала его парадный вид фуражка, чудом державшаяся на голове. Да вот оружие племянница у него отняла, а туда, куда он собрался, без оружия появляться было нельзя. И Володя соображал, как бы отбить его обратно. Ведь не драться с родной племянницей, зашибить можно ненароком... Профессиональным взглядом окинув боевой вид бывшего начальника отделения милиции, Турецкий понял, что до такого состояния мог допить только человек, который давно не пил. Уж очень быстро на него подействовал алкоголь.

Бывший мент наконец вышел из состояния ступора.

– Отдай! Сдать оружие! – пьяно пошатнувшись, строго приказал племяннице Володя.

– Дядя Володя, опять? Ну что вам неймется? Не дам! Это же не табельное оружие! Это незаконно!

– Научил на свою голову! – пробормотал Володя. – Повернувшись непослушным телом к двери, он вдруг выбросил руку вперед, как будто обращался к невидимым оппонентам с речью:

– Никуда я из своей станицы не уеду! Никуда! И хай не надеются! Понацепляли лампасы, шпана станичная, байстрюки иногородние, клоуны ряженные. Це мий дид в Добровольческой армии в девятнадцатом году...

Закончить речь ему не удалось, потому что Лена бесцеремонно остановила его:

– Та хватит вам... Я уже вашу биографию наизусть знаю.

– Ты знаешь, а он не знает! – ткнув пальцем в потолок резонно заметил Володя и заплетающимся языком попытался пуститься в рассуждения о своих далеких предках и посвятить в них нового знакомого. И хотя он сейчас не видел его, допускал, что ему тоже интересно послушать родословную хозяина дома.

– Мой прапра...дед, – он сбился со счета, махнул рукой, но не растерялся, – потомок запорожских казаков. Сама Екатерина II повелела ему лично! переселиться на кубанские земли. Это было после победы наших в русско-турецких войнах.

– Ну что вы привираете? – вмешалась Лена. – Чтоб царица лично каждому казаку приказ отдавала – не было такого!

– Шо ты, Лена, понимаешь в казачьих делах?! – возмутился Володя. – Мой прапра-прадед очень храбрый был! Когда переселился на Кубанщину, охранял въездные ворота на форпосте Екатеринодара. Я ж тебе рассказывал о его военном значении. И про военный Ставропольский шлях рассказывал, и про малярию... А про историю железной дороги Тихорецк-Екатеринодар-Новороссийск хочешь послушать?

– Не хочу, – с досадой ответила Лена. – Я не люблю слушать пьяные разглагольствования. Вот проспитесь, тогда и послушаю. В сотый раз.

Володя изумленно взглянул на нее, словно только что увидел.

– Совсем заговорила меня... – пробормотал он. – Я ж куда собрался? Шо я – не прапраправнук своего знаменитого предка?

Он застегнул китель на все пуговицы, смахнул с него невидимую пыль и довольно твердым шагом направился в угол, где углядел топор. Лена вскочила и бросилась наперерез, но не успела. Володя уже подхватил топор и потряс им в воздухе.

– Всех на чистую воду выведу, – неожиданно заорал Володя на всю хату, – всех! А тебя в Краснодар отправлю. К родителям твоим. От греха подальше. Хватит тут сеять разумное, доброе, вечное. Кому это здесь надо? Вырастут твои школяры и подадутся за своими старшими братьями хто в казаки, хто в Ворыпаевку на рынок, народ грабить.

Он закончил свою короткую гневную речь и даже как-то протрезвелё потому что дальше действовал уже более уверенно и целенаправленно затопал к двери, сжимая в руке топор. Видимо, вспомнил, куда собрался.

Лена вскочила, зашвырнула карабин под кровать и бросилась за Володей.

– Не пущу!

Но он оттолкнул ее и уже взялся за дверную ручку. Турецкий спрыгнул с чердака, в два прыжка подскочил к Володе и вырвал топор. Лена, как на амбразуру, бросилась на дверь.

Турецкий обхватил руками Володю и стал его оттаскивать, но бывший мент сопротивлялся, пытаясь вырваться из объятий Турецкого.

– Пусти! Пусти, кому сказал! Все из-за тебя! На черта пришел сюда? Чего тебе здесь надо? Отпусти!

– Успокойся, Володя. Я ухожу. Кстати, я к вам попал не по доброй воле. Стечение обстоятельств.

Володя вдруг насмешливо расхохотался.

– Уходит он! Куда это ты уходишь? Шаг во двор – и ты мертвец. А потом и я... И Ленка... Это я пойду. Пусти!

– Если ты пойдешь, то же самое будет. Что поменяется?

– Пусти! – зло зыркнул Володя на Турецкого. – Вот же сучьи дети – дожать их надо было. Дожать! А я не смог...

Турецкий все-таки сломил сопротивление Володи и повел его к дивану.

– Давай поговорим спокойно. Без нервов. Надо тактику продумать. Нельзя же так, очертя голову, подставлять себя под пули. На кого ты Лену оставишь? Кто ее тогда защитит? Меня же тоже пристрелят.

Володя все еще пыхтел и кипятился.

– Я их всех знаю, как облупленных. Веришь, брат, я им восемь лет жизни не давал. Казаки... Тьфу! – он сплюнул с презрением, не реагируя на укоризненный взгляд Лены. – Они – сброд воровской. Объявили себя казаками, когда в крае надумали казачество восстанавливать. Думаешь у них проснулась эта... родовая память? Черта с два! Выгоду свою почуя-

ли. Знаешь, что это за людишки? Через одного уже срок отмотали. А кто на воле остался, тоже в конце концов попадут за решетку. Это я – казак... Ленка! Карточки покажи! И тетрадь тащи. Где мы с тобой восстанавливали это... дерево.

– Генеалогическое, – подсказала Лена, но с места не тронулась, держась поближе к дяде и не спуская с него встревоженного взгляда.

– Я тебе верю... – Турецкий слушал Володю, но свою линию гнул. – И что, казак, как ты их собрался вот так, без погон, без оружия арестовать?

– А это на шо? – указал взглядом на топор Володя, но Турецкий быстро спрятал его за спину.

– Конечно, это сильный аргумент. Но ты его и поднять не успеешь, если в тебя из восьми стволов палить начнут.

– Ты шо думаешь? Я испугался? – хорохорился Володя, выпятив грудь. – А кто же еще их засадит? Они тут все под себя подобрали, творят, шо хотят. Половину моего отделения постреляли, половину купили...

– А районная милиция? А прокуратура? Вы же в центре России живете, а не в глухом заповеднике.

Володя насмешливо взглянул на Турецкого.

– Прокурорские сюда носа не кажут. Ты думаешь, чего я ушел? Устал лбом об стенку биться. Была такая история: я в отпуск ушел, а они состав с машинами грабанули. Целый состав! Можешь себе такое представить? Наше отделение шуршит, рабочее рыло делает, мол – мы всех найдем. Приезжаю

из отпуска, а у меня под окнами одна из этих тачек ворованных стоит. В подарок! И зам мой, ну, ты знаком с ним, на такой же по станице разъезжает! Я давай разнос чинить, в район звонить, а мои же... мои же!!! Мне говорят: «Ну что ж ты, Володя, зачем ссоришься... Не забывай, у тебя же племянница...» И я ушел... Думал, в покое оставят. Только вот теперь ты объявился. Непонятно зачем...

Он ухмыльнулся и заглянул Турецкому в глаза, дыхнув на него перегаром:

– Может, ты тут устроишь прокурорскую проверку?

– Не могу... У меня тоже погон уже нет. Зато есть одна идея... Говорил же, давай все обмозгуем.

– Позвонишь в Москву бывшим соратничкам? – не сдержался от колкости Володя.

– Нет, этого я делать не буду. Слишком много придется им объяснять. К тому же – зачем беспокоить таких важных людей из-за мелких неприятностей?

– Ха, мелкие неприятности... – проворчал Володя. – Все думают, шо ты убил человека. Вот тебе и мелкие... Скажи просто, шо ты не хочешь опозориться перед своими. – Он рассмеялся: – Когда тебя спасать приедут...

Турецкий проигнорировал ехидную реплику.

– Ты мне лучше скажи, начальник, кто такой Кудря. Знаешь его?

– А, ворушаевский... Ну знаю. А ты откуда про него слышал? Ты смотри, какой пряткий, всего ничего здесь, а уже

сколько бывших моих подопечных пробил.

– Видел сегодня вечером. Вместе с вашим Бэмби. Так, рассказывай мне про этого Кудрю, про его друзей и про их отношения с вашими ряжеными. И не стоит забывать и про твоих бравых бывших соратников. И вообще – опиши криминогенную ситуацию.

– Ты чего надумал? – Володя откинулся на диване и испытующе взглянул на Турецкого.

– Да прикинул, что топор и карабин вряд ли помогут в данной ситуации. Уж очень много оружия у вашей братвы. Вот пускай они этим оружием все друг друга и постреляют.

Володя вытаращил глаза:

– Войну собрался развязать?

Турецкий улыбнулся и кивнул.

– Ага... Елену Прекрасную я уже нашел...

– Я те дам Елену Прекрасную! – вскинулся Володя и сердито посмотрел на Турецкого.

– Да ты не волнуйся. Я не про Ленку. Это образное выражение. Елена Прекрасная была поводом к Троянской войне.

– Ты не умничай, я университеты не кончал. Говори прямо, шо за мысли у тебя в голове. Я намеков не люблю.

Турецкий молча полез в карман и достал мятую бумажку.

– Где у вас тут сортировочная станция?

– Чего? Тебе зачем?

– Сейчас расскажу. Только ты сначала пойди во двор и вылей на себя ведро воды. Чтобы взбодриться. А то ты, по-

моему, ни хрена не соображаешь. Сейчас в тебе только злоба. А нужна ясность ума! – поучительным тоном изрек Турецкий и похлопал Володю по плечу. Тот сердито сбросил руку гостя, но во двор пошел, предварительно аккуратно повесив китель на стул. Лена сидела напротив мужчин и только переводила взгляд с одного на другого, не вмешиваясь в разговор. Лицо ее было озадаченным.

Димон разлегся на диване в сарайчике, который отец много лет назад слепил из подручного материала, и дымил сигаретой, как паровоз. В тяжелой голове проносились события нынешней ночи, он злобно сплюнул, вспомнив, как Лена наставила на него карабин. Взгляд его упал на афишу, где голая парочка прижалась друг к другу, рекламируя заморский заггар. В последнее время каждый раз, когда он смотрел на эту картинку, представлял себя и Лену, но гнал эти мысли, потому что Лена была такой недоступной, недосыгаемой, как будто жила на другой планете. И он относился к ней трепетно, не подозревая, что она может быть и другой – резкой, грубой, отчаянной, как сегодня... Вся в своего дядьку, такого же долбанутого, у которого крышняк рвет, когда он видит несправедливость. А у каждого человека своя правда. Так что со своей правдой мент теперь, как простой селянин, горбатится на своем нищенском хозяйстве, и нет ныне ему почета, как бывало прежде.

Когда-то сарайчик задумывался для хранения всякого хлама, поэтому отец особо не усердствовал – между неструганных досок зияли щели. Только крышу накрыл добротную, чтобы во время дождей не заливало отложенное впрок добро. Мало ли что понадобится в хозяйстве. Нехай будет по-сохранный. Когда Димон подрос и во время летних отпусков

в родительский дом съезжались оба его старших брата с семьями, в доме становилось тесно, и младшего брата стали отправлять в сараюшку, которую он сам же привел в порядок и назвал свою новую обитель очень романтично – «Мечта». И хотя внешне вид у его «мечты» был страшноватый – доски от времени потемнели, к тому же изначально она получилась кривоватая, какая-то разухабистая, как избушка Бабы Яги из мультфильма, внутри Димон устроил себе вполне приличное жилище. На стены наклеил афиши, которыми его снабжал приятель киномеханик Аркашка, стол сколотил из досок, сворованных ночью со школьного двора, когда директор школы затеял ремонт подгнивших полов. Спертый из клуба стул ему притащил Аркашка. Главным же украшением временного жилья Димона был вполне добротный диван, обтянутый дерматином черного цвета. Дерматин хоть и покрылся сетью мелких трещин, сохранил свой первоначальный глянец. Высокая спинка придавала ему очень солидный вид. Когда Аркашка впервые увидел его, даже восхитился.

– Ух ты, у тебя здесь як в офисе. А спинка-то деревом отделана, дуб, наверное. Ты смотри, как играет! – он любовно погладил полированное дерево, отражающее солнечные блики, которые веселым снопом проникали через небольшое чистое окошко. – Вчера привез новый фильм из города, ночью смотрел. Так там почти такой же показывали, в одной фирме у мужика стоял. Он на нем девок трахал... – заржал Аркашка.

– Шо – показывали как трахал? – оживился тогда четырнадцатилетний Димон, который не раз за тонкой стенкой слышал пыхтение братьев и сдавленные стоны их жен, когда еще никому в голову не приходило отселить его в сарай.

– Не показывали... – огорченно ответил Аркаша. – Но и так понятно. Там у него на столике шампанское, фрукты, посуда красивая, хрусталь. Девки приходят, якобы он их на работу принимает, вопросы всякие задает, как в отделе кадров. И тут же следующий кадр. Она уходит, застегивая блузку. А он сидит, развалился боров такой на этом диване, галстук на фиг сдвинут, волосы приглаживает рукой. С чего бы это?

– Да... – мечтательно произнес Димон. – Я бы хотел посмотреть, как трахаются. Привези как-нибудь порнуху, так поглядеть охота.

– Шо дают, то и везу, – неохотно буркнул Аркаша. – Да, а где же ты этот диван отхватил?

– Вчера отец вернулся с Украины. Ездил по делу. Заехал к родственникам, они в Луганске живут. Дядя Петя преподавателем работает. Богатые... – с завистью протянул Димон. – Как раз новый диван купили, а этот жалко выбрасывать, отцу предложили. Вот сообща и погрузили его на батин грузовик. Еще холодильник отдали, работающий! – прихвастнул Димон.

– Везуха тебе! – Аркаша погладил шероховатую от множества мельчайших трещинок поверхность дивана. – Крепкий совсем, еще долго послужит. Вот людям не хрена делать

в городе! Диваны меняют... На нем еще лет двадцать спать можно.

И как в воду глядел. Димон уже десятый год пролеживает бока на этом диване. Местами, правда, пружины стали выпирать, но он умудряется сворачивать свое длинное тело так, что оно уместается между неудобными горбами. С годами Димон обшил сараюшку вагонкой, купил как-то по случаю по дешевке у сторожа местной птицефабрики. Утеплил полы. Внутри обстановка осталась та же, только прибавилась магнитола, но теперь собственное жилье у него было до глубокой осени. И уже в апреле он опять поселялся в свою «Мечту», перетаскивая свое нехитрое имущество и пытаясь придать хоть какой-то уют сараюшке. Сюда же года два он по ночам водил Аленку, когда в станице гасли огни, все вокруг затихало и только иногда тишину нарушал одинокий лай особо рьяной собаки старика Деревянко. Казалось, ей одной есть дело до ночной жизни станицы. Остальные собаки редко отгавкивались, лениво исполняя свои собачьи обязанности.

Аленка работала обходчицей на железнодорожном полустанке. Ей было уже двадцать шесть, за ней тянулся длинный шлейф нехороших слухов. Говорили, что она с молодости себя не блюла и поэтому мужики с ней не стеснялись. Не каждому обламывалось, но и особо переборчивой она не была. Особенно ее не любили замужние бабы. Как-то одна из них своего загулявшего мужика нашла в объятиях Аленки и

едва не выдрала ей все волосы. Скандал был такой, что надолго отбил у семейных мужиков охоту провести полчасика в горячих объятиях немногословной Аленки.

А началось все с благих намерений родного отца. Он всю жизнь копил деньги, лелея мечту построить единственной дочери дом в своем же дворе, готовил приданное не абы какое – а самое богатое. В двадцать два года мало какая девушка могла похвастаться собственным домом. Аленка эту заботу отца поняла по своему. И когда родители отправлялись почивать после тяжелого трудового дня, к ней огородами прокрадывался соседский хлопец Иван Курбатов. Гулять то он с ней гулял, да еще с большим удовольствием – Аленка собой была хороша – но жениться не спешил. Аленке Иван нравился давно, поэтому она и поторопила события – вопреки строгому родительскому воспитанию решила свою девичью честь не хранить, неизвестно сколько придется ждать предложения. А так уступит ему, докажет свою любовь – Иван оценит, чем пришлось ей поступиться ради большой любви, и женится на ней. Все знали, что она воспитывалась в строгой семье и никто даже не представлял, какая у нее насыщенная тайная жизнь.

О себе Аленка была высокого мнения, считала, что все в ней хорошо. И сама привлекательная, многие считали ее красивой, и приданное приличное. Один в ней был недостаток, она это понимала и сама и это немного ее напрягало – недостаток образования. В свое время училась в школе кое-

как и после восьмого класса пришлось из школы уйти, даже в девятый не пошла. Все равно экзамены не сдала бы. Так что у нее на руках осталась только справка о незаконченном среднем образовании. Поэтому и работу себе не могла найти чистую, а о секретарской работе в городе и мечтать не приходилось. Даже работа продавца была ей не по плечу – считала плохо. В уборщицы самолюбие не позволяло, да и за копейки не хотелось мारаться. А путевая обходчица – это еще не худший вариант. Работа нелегкая, зато загар бесплатный. Люди в городе за солярий деньги какие платят, а она круглый год загорелая. Это уже в двадцать пять она поняла, что не тот у нее загар, какой мужчинам нравится. Когда новый ее кавалер Димон в минуту откровенности заявил, что выглядит она на все тридцать. Даже пожалел ее. Потому как в любую погоду приходится вдоль путей шагать, под ветром и в солнцепек, под дождем и во время выюги. Кожа у нее состарилась преждевременно, поскольку и ухаживать за ней она не умела. Всякие там мази, кремы ее совсем не интересовали. Это все равно, что регулярно принимать лекарства – скучно.

Когда Димон впервые пригласил ее к себе, предупредил, что жениться не собирается. У него в жизни на ближайшие годы другие задачи. Просто нравится она ему, еще в больнице глаз на нее положил. Свела их судьба в Тихорецкой больнице, куда оба попали по житейской причине – с приступами аппендицита. И уже через день после операций познакомились, когда прогуливались по коридору, скособоченные,

держась за животы, потому что врач велел двигаться, а швы тянули. От нечего делать стали глазеть друг на друга. Димон был парнем неробким, и уже на следующий день после недвусмысленных взглядов прижал ее в темном коридоре и стал лапать. Он даже не ожидал, что Аленка так жадно реагирует на его не слишком нежные ласки. Потом она объяснила ему, что истосковалась по мужчине. У нее был довольно длительный период вынужденного воздержания. Месяца два. А тут такой здоровый казак, такой симпатичный, глаза у него серые и большие, руки крепкие и обнимают так, что кости трещат. Это все она ему прошептала в ухо, когда он потащил ее в санитарную комнату и привалил к двери, потому что крючка, естественно, на двери не было. Мало ли какому больному станет плохо, когда он вздумает ванну принимать. Можно было уединяться и в туалетах, но крючков не было и там. Да и брезговали они туда забредать.

Первых два дня Димон проявлять большую активность опасался, вдруг швы разойдутся. Но на третью ночь Аленка его так завела, что тут же, в санитарной комнате у них все и случилось. Никто их не беспокоил, все больные спали, по ночам душем никто не пользовался. Медсестры на посту тоже дрыхли, дежурный врач торчал в своей ординаторской – то ли спал, то ли смотрел телевизор. Аленка была такой опытной, что Димон понял – это та женщина, которая грезилась ему в его юношеских снах. Эти сны мучили его лет с пятнадцати, просыпался он всегда весь мокрый, хоть выжимай,

внизу живота болело, как будто его долго дубасили скалкой. Но во сне ощущения были такие приятные, что просыпался он всегда с сожалением... Такое ощущение он испытал и с Аленкой. И когда их выписали из больницы, однажды ночью привел в свою «Мечту». От родителей удавалось скрывать ночные свидания, они рано ложились спать и ничего не подозревали. Неяркая лампочка освещала темное лицо Алены, хищно блестели ее железные зубы, потому что во время любовных утех она всегда улыбалась. Димон не смотрел в ее лицо, он прислушивался только к своим ощущениям, и ему этого было достаточно. Потому что наяву он испытывал то, что видел когда-то в юношеских сновидениях – а снились ему тогда порочные женщины, которые сладостно мучили его и доводили до экстаза. Аленка не мучила, но до экстаза доводила.

– А что у тебя с зубами? – спросил он однажды, отвалившись от нее – разгоряченной, с обычной хищной улыбкой на влажном, покрытом мелким бисером пота лице.

Аленка нехотя рассказала, что была у нее большая любовь с Иваном. А когда он узнал, что она забеременела, жениться все равно не захотел, но дал денег на аборт. Пришлось поехать в Тихорецк. Но в один день она не управилась, как рассчитывала. После того, как в ней поковырялся молодой неопытный доктор, у нее открылось кровотечение. Пришлось пролежать в больнице неделю. Отец ее разыскал, и когда она вернулась домой, строгий родитель решил ее на-

казать построжее, в назидание на будущее. А в его понимании строгое наказание могло быть только одно – жестокая порка. Аленка не ожидала такого расклада, хотя и подозревала, что ее пребывание в больнице даром ей не пройдет. Она попыталась сопротивляться, и когда стала уворачиваться от тяжелой отцовской руки, он не рассчитал сил и выбил ей зубы. Потом сам же дал денег на железные. Сказал, что она и так теперь порченная, никто на ней не женится, нечего тратиться на золотые. Димон опять пожалел Аленку, но для себя сразу решил, что в жены ее никогда не возьмет. Он хотел чистую девочку, пускай совсем неопытную, но чтобы он у нее был первым. И еще он хотел, чтобы эта девочка была умной и культурной. Например, учительницей. Или медсестрой. Можно и библиотекарем. Но не продавцом, боже упаси, в магазинах мужики толпами отовариваются водкой да сигаретами, с продавщицами заигрывают. А какая устоит, если целыми днями на нее пялятся посторонние мужики?

Когда в станице появилась новая молоденькая учительница Лена, Димон сразу обратил на нее внимание, но почему-то оробел, столкнувшись с ней впервые нос к носу в магазине. Лена показалась ему очень строгой и неприступной. Она обстоятельно покупала кучу всякой всячины, но продавщица Галя вопреки своему обыкновению не грубила покупательнице, а говорила с ней несколько заискивающим голосом. Еще бы, подумал Димон, это же не малокультурная путевая обходчица Аленка, которая и говорить-то толком не

умеет, у нее все предложения состоят из двух слов. А Лена говорила очень вежливо и красиво, Димон прямо заслушался и не сразу опомнился, когда Лена уложила все покупки в объемистую сумку и вышла на улицу.

– Ну чего стал столпом? – неласково взглянула на него продавщица. – Шо тебе надо? Говори скорее, а то я на обед закрываюсь.

У Димона все вылетело из головы, и он для отвода глаз только сигареты и купил, чтобы хоть не выходить из магазина с пустыми руками. В другой раз он бы послал продавщицу куда подальше, но нужно было торопиться, хотелось взглянуть на учительницу еще хоть одним глазком. Он уже слышал о ней много хорошего: и что в клуб на танцы она не ходит, по станице зря не шатается. Народ говорил о ней уважительно. Серьезная девушка, учит детей хорошо, не орет на них, дети ее любят. И хотя она была племянницей мента Володи, к которому у Димона было свое отношение, не любил он бывшего начальника милиции, Димон считал, что это даже к лучшему. Во всяком случае никто из местных раздолбаев не посмеет ее обидеть. Все знали крутой нрав бывшего мента.

Для Димона настали трудные времена. Образ Лены буквально преследовал его. Ее большие серые глаза – внимательные и серьезные, светло-русые длинные волосы напоминали ему русалку из давно забытой детской сказки. Но когда она случайно встречалась на его пути, держалась всегда так

отстраненно и независимо, что у него только сердце замирало, заговорить с ней он никак не решался. Тем временем его ближайший друг Сергей Ковальчук, ничего не зная о переживаниях несчастного влюбленного, устроил настоящую осаду, чтобы привлечь внимание Лены. И хотя все его попытки увлечь Лену проваливались на корню, надежды не терял. Он считал – чем настойчивее и наглее атаковать девушку, тем больше шансов заинтересовать ее. И очень удивлялся, что действительность совсем не соответствует его представлениям об уходе за девушкой. Она просто стала убегать от него, заведя издали. Димон напротив, старался быть как можно вежливее, но и ему ничего не обламывалось. Он держался так скованно, что Лена даже не догадывалась о его чувствах. Димон по-настоящему страдал. Об Аленке он теперь и думать не мог – противно становилось. Когда она пришла сама и нетерпеливо постучала в окошко халупы, как пренебрежительно называла его «Мечту», он впустил ее, закрыл за ней дверь, и с мрачным видом сразу с порога заявил:

– Ты ко мне больше не ходи.

– Шо на тебя нашло? – удивилась Аленка, потому что считала – все у них хорошо, вон как Димон зверел в ее объятиях, прямо как тигр на нее бросался. Видать, действительно она ему нравилась.

– Не хочу больше. И даже не спрашивай – почему. – Сурово ответил совсем еще недавно бывший ее возлюбленным Димон.

– Та шо с тобой? – не унималась Аленка, не веря своим ушам. – Може, я шо-то не так сделала? Може, обидела тебя чем-то? Тогда извиняюсь.

– Ничего ты мне не сделала. А видеть я тебя больше не хочу. И все – конец базару.

Димон едва не вытолкнул ее за дверь и Аленка, заплакав от обиды, ушла сама, лишний раз убедившись, какие же мужики козлы.

Как-то Димон столкнулся с Леной опять в магазине. Она пришла со своей подружкой, учительницей Татьяной. Они обсуждали какое-то школьное мероприятие, которое собирались провести в клубе. Лена рассматривала унылый ассортимент сельмага и грустно сказала:

– Хоть бы раков привезли, что ли... Я так раков люблю, сто лет не ела. Просила дядю Володю наловить, а он их терпеть не может. Говорит – падалюю питаются, ему на них даже противно смотреть.

– Попроси Пашку Гасилова, у него отец этих раков ведрами с Ялпужанки домой таскает, – посоветовала Татьяна и засмеялась.

– Ну, Пашка все-таки мой ученик, как-то неудобно, – ответила Лена и купила полкило пряников.

Димон вечером отправился на Ялпужанку и просидел в воде несколько часов, шаря в норах руками, выискивая раков. Дома он поручил матери отварить по известному ей рецепту со всякими травами и пряностями. На следующий

день он преодолел свою робость и пошел в клуб, прихватив увесистый мешок с раками.

Лена с Татьяной сидели за кулисами сцены и следили за программой школьного праздника, тихонько переговариваясь о чем-то своем. Они даже раскрыли рты от удивления, когда к ним за кулисы ввалился Димон и весь красный от смущения протянул мешок. Димон от волнения даже забыл поздороваться. Он молча взгромоздил на столик мешок и пробормотал, глядя на Лену:

– Это вам. Раки... – И тут же убежал, затопав сапогами по дощатому настилу. На сцене в это время бойкая девочка читала стихи и зал с удивлением слушал громкий топот за сценой.

Димон не слышал, как Татьяна прыснула и, давась от смеха, спросила:

– Когда ты успела его подцепить?

– А кто это? – в свою очередь удивилась Лена, но тем не менее уже развязывала холщевый мешок, в котором в целлофановом пакете тарасило черные бусинки глаз и грозно топорщило усы нечаянное угощение ярко-красного цвета.

– Первый парень на деревне. Казак Дима... Видно, сильно ты его зацепила, если он услышав краем уха о твоём желании, уже на следующий день поспешил его исполнить.

В отличие от Лены Татьяна была наблюдательнее и давно уже заметила высокого симпатичного парня. Но лицо у него было простоватое и взгляд какой-то неувливаемый, а Та-

тьяне не нравилось, когда люди прятали свои глаза. Как раз вчера в сельмаге она заметила среди покупателей Диму и поняла, что он прислушивался к их разговору.

– Да я видела его всего несколько раз, – принялась оправдываться Лена. – А как ты думаешь, удобно будет, если мы сейчас съедим этих раков?

Татьяна опять тихо засмеялась.

– А что – смотреть на них? Халява, сэр, – вспомнила она фразу из английского анекдота. – Ешьте, пока дают.

Она первая запустила руку в пакет и достала здоровенного рака с огромными устрашающими клешнями и с хрустом оторвала ему ногу.

– Ох и вкуснятина! Ешь, не стесняйся, когда еще нам такое счастье привалит!

У Димона что-то дрогнуло в душе, когда при следующей случайной встрече Лена его заметила и приветливо поздоровалась. К тому времени главный конкурент по уходу за Сергеем уехал в Тихорецк и подался в политику, так что у Димона, который ценил мужскую дружбу, были развязаны руки. На Лену больше никто, кроме Петьки Волохова, не посягал. Но Димон мента в расчет и вовсе не принимал, Петька по всем статьям сильно ему проигрывал. И ростом он был чуть выше Лены, и рожа у него непривлекательная – нос картошкой, глазки маленькие, серые волосы падали на плоский лоб жиденьким чубчиком, нижняя губа отвисшая, да и вообще глуповат. И хотя Лена по-прежнему не проявляла особо-

го интереса к Диме, но хоть не отворачивалась и иногда даже приветливо отвечала на его вопросы, которые он заранее обдумывал, как домашнее задание. Вскоре между ними сложились почти дружеские отношения, во всяком случае так считал Димон. И однажды он даже рискнул пригласить ее в кино на новый фильм, но Лена, поблагодарив его вежливо, отказалась.

– Некогда мне. Тетрадей дома гора, диктант в четырех классах проводила, проверять надо.

Димону показалось, что произнесла она эти слова с некоторым сожалением. С тех пор он стал считать, что стоит проявить терпение и настойчивость и девушка будет его. В радужных мыслях он уже видел ее своей невестой, а в недалеком будущем и женой. Ему даже в голову не приходило, что Лену просто тронула его забота, хотя она и понимала, что он не равнодушен к ней.

Димон обдумывал, как бы еще порадовать девушку. Ему хотелось видеть ее улыбку, которая освещала ее лицо, когда они встречались случайно или на улице, или в магазине. Как-то он услышал на улице разговор учителей, что на завтрашнем педсовете будут обсуждать поведение Павла Гасилова. А это надолго, – сетовала пожилая учительница Евдокия Семеновна, – поскольку Пашка успел за месяц нового учебного года насолить многим учителям. И зачем его только принимали обратно в школу? Ведь знали, что он за типчик. Еще два года назад, когда семья Гасиловых снялась с насиженно-

го места и отправилась на заработки в Уренгой, весь педколлектив радостно вздохнул. Пашка уже тогда всех достал своей наглостью и неуправляемостью. Учителей раздражала его самоуверенность и абсолютное неуважение к учителям. Он много читал, соответственно много знал. Но для учителей его тяга к книгам оборачивалась сущим наказанием. Некоторых учителей, которые из-за рутинной работы и домашних хлопот не успевали читать новые книги, начитанный ученик элементарно сажал в калошу какими-нибудь каверзными вопросами. И когда он наконец сгинул, то все радостно подумали, что навсегда. Однако спустя два года относительно спокойной школьной жизни он вновь появился на их горизонте. Отец семейства решил вернуться на малую родину, потому что стали болеть его родители, а он был их единственным сыном. И когда в один далеко не прекрасный день учителя вновь увидели в школе Пашку, у многих сильно испортилось настроение.

Димон знал семью Гасиловых, дружил со старшим братом Пашки – Денисом, пока того не засадили в тюрьму. Очень горячий парень был, да и выпить любил. А в пьяном виде становился совсем бешеным. За что и поплатился после того, как избил какого-то приезжего шабашника так, что тот едва не отправил на тот свет. После суда Дениса отправили на три года в зону, так что теперь не скоро он появится на улицах родной станицы.

Из разговора учителей Димон выудил интересную для

него информацию – педсовет начинается в три часа. Сколько он может длиться? Час, два... Нельзя же бесконечно обсуждать поведение Пашки. Даже если каждый учитель будет высказывать свое мнение, их всего семнадцать человек. Димон прикинул, что уже через час-полтора можно караулить Лену у школьных ворот.

На следующий день он полдня летал на своем грузовике, как на крыльях, предвкушая радостную встречу. На птицеферме, куда он привез очередную партию кирпича – ферма процветала и расстраивалась – птичница Дуся Бедная ехидно спросила:

– Шо ты так радуешься сегодня, как будто на свидание идешь?

– Иду, Дуська, угадала!

– Та брешешь! Кто ж эта красавица? – Дуська удивленно вытаращилась на него. В станице все сплетни разносились мгновенно, но никто не видел Димона с девушкой и ее одолело любопытство.

– А це уже не твое собачье дело! – огрызнулся не слишком вежливо Димон.

– Та тю на тебя! – обиделась Дуська. – Очень мне нужно с тобой балакать... Давай, двигай со свои грузовиком, только мешаешь здесь.

Димон посмотрел на часы – и вправду можно уже двигаться к школе. Он лихо притормозил у ворот школы. Но во дворе было тихо. Димон смело вошел во двор и заглянул в от-

крытое окно учительской. Педсовет был в полном разгаре. Посреди учительской с красным и злым лицом стоял Пашка, его отец сидел в углу на стуле, бросая недобрые взгляды то на сына, то на учителей. Учительница географии гневно обличала наглое поведение Пашки, остальные учителя, видимо, уже успели выступить со своими речами и теперь скучали, поглядывая на часы.

– Шо-то я не понял, – наконец подал голос старший Гасилов. – Он шо у меня – погано учится?

– Учится он хорошо, – нехотя призналась географичка. – Но его наглая самоуверенность мешает проводить уроки.

– Он шо – кричит на уроках, чи бьет кого-то? – последовал вопрос отца.

– Еще этого не хватало! – возмутился директор – высокий лысый дядька, которого Димон терпеть не мог еще со времен своего школьного детства. За директором уже давно закрепилась кличка Фантомас. Младшая сестра Димона говорила, что его и сейчас так называют за глаза в школе. Притом не только ученики, но и молодые учителя, она сама слышала.

– Так чего это вы моего сына тут ругаете уже полтора часа? – едва сдерживая гнев, отец убийственным взглядом окинул весь педколлектив.

Директор на мгновение лишился дара речи, но быстро нашелся.

– Мы вам полтора часа объясняем, что Павел Гасилов недостойно ведет себя на уроках. Он дошел до того, что да-

же осмеливается делать замечания учителям, перебивает их и мешает учебному процессу. Но возмутительнее всего то, что он унижает достоинство учителей.

– Та я и так понял, шо он их унижает тем, шо знает больше, чем некоторые ваши учителя, – саркастически произнес папаша. Павел восторженно и благодарно взглянул на отца. Тот поймал его взгляд и жестко одернул:

– А ты шо вылупил свои глаза? Дома ты у меня еще получишь. За то, шо я тут полтора часа выслушивал, мое достоинство тоже унизилось! – с угрозой сказал отец, и Пашка опять устался в пол.

Димон отошел от окна и прислонился к стенке. Его душил смех. Отец у Павла был тяжел на руку и скор на расправу. Но своих он тоже умел защищать. Димон злорадно подумал, что так этим учителям и надо. Мало они его крови попили, пока учили! А на выпускных экзаменах как изгалялись? С него семь потов сошло, пока он этот проклятый аттестат получил. А на хрена он ему теперь? Только силы и нервы зря потратил. Баранку можно было и без аттестата крутить. И такие же бабки загребать. Хозяин птицефермы на зарплату своим работникам не скупился. Лишь бы работали хорошо.

– Ну что тут скажешь? – театрально развел руками директор школы, – если даже уважаемый Фадей Григорьевич не хочет понять, что ученики на уроках должны слушать учителей, а не мешать проводить занятия. Да, я не спорю, Гасилов способный ученик, много читает. Ну и пусть пополняет

свои знания, так сказать – расширяет свой кругозор. Зачем же постоянно одергивать учителей?

– А за це он дома получит, – опять с угрозой произнес отец.

Кое-кто из учителей вздохнул с облегчением. Не зря они тут рassiживались столько времени. Паршивец Гасилов свое все-таки получит. Может быть, это хоть на короткое время собьет с него спесь.

Задвигались стулья, первым, не глядя по сторонам, из школы вывалился грузный Гасилов-старший, за ним, как привязанный, плелся Пашка с таким несчастным лицом, как будто его вели на расстрел.

Лена выпорхнула во двор и увидев Димона, удивленно остановилась.

– Здравствуйте, Лена, – церемонно поздоровался Димон. Девушка улыбнулась и он осмелел. – Я тут на машине. Могу подвезти.

– Куда? – удивилась Лена.

– А хоть куда. Могу домой, чтобы вы свои ноги не запылили, день сегодня жаркий, а вам через всю станицу топать.

Подошедшая сзади Татьяна захихикала и Димону захотелось съездить ей по уху. Ее смешливость портила всю картину. Он и так два дня собирался с духом, чтобы произнести эту фразу.

– Ой, а в библиотеку в Озерное вы можете меня подвезти? – оживилась Лена. – А то туда шесть километров топать,

как вы выражаетесь.

– И я с тобой! – сразу ввязалась подлая Татьяна. У Димона даже ладонь зачесалась, так хотелось ее хлопнуть по башке. Какого хрена она вмешивается? Кто ее звал? Со вчерашнего дня в своих мечтах он видел, как они с Леной пролетают в его грузовике по полевой дороге – слева кукуруза стоит плотной стеной, справа подсолнухи, все желтеет, красота, Лена рассказывает о своих учениках, а он слушает и многозначительно молчит. А может все сложится и так, что он наконец решится поцеловать ее... – на этом месте у него замирало сердце, о дальнейшем он уже и мечтать не смел. А тут эта вертлявая коза Танька – маленькая, с большой кудлатой головой, глаза вечно смеются, рот до ушей, как у лягушки – полная противоположность Лене.

– Можно Таня с нами поедет? – попросила Лена. Ну разве можно ей отказать? Что, сказать – нет? Что тогда Лена о нем подумает?

– Нехай едет, – пробурчал Димон, – места не просидит. Она маленькая, поместится.

Теперь уже обе девчонки захихикали, притом Лена рассмеялась красивым мелодичным смехом, а Татьяна дробно, словно горох покатылся. Димон неодобрительно посмотрел на нее и пошел вперед.

В кабину Лена запрыгнула легко, Димон опять на нее залюбовался, а Танька едва вскарабкалась, ее коротенькие ножки никак не доставали до нижней ступеньки. При этом

она так заливалась, словно ее щекотали. Лена тоже смеялась и тянула из кабины руку.

– Шо, подсадить, може? – с досадой спросил Димон, когда ему надоело наблюдать ее возню у подножки грузовика.

– Вот еще! – уже хохоча во все горло, Татьяна наконец вскарабкалась. Мимо проходили учителя и неодобрительно посматривали на веселящихся молодых учительниц. Димон завел мотор и машина резво рванула, девчонки от неожиданности откинулись на спинки сиденья. Татьяна опять залилась дробным смехом. «И чему такая может научить детей?» – подумал Димон и сурово посмотрел на нее. Татьяна заметила его взгляд и подтолкнула Лену в бок.

– Какой у нас строгий водитель! Даже не улыбнется... Дима, – вдруг вспомнила она, – а где ваша лошадь? Вы же тут по станице обычно на лошадях катаетесь.

– Не лошадь, а конь. И не катаемся, а скачем, – почему-то Димон стал все больше раздражаться. Он уже пожалел, что проявил мягкость и разрешил присоединиться к ним этой болтливой хохотушке.

– Конь ваш где? – не унималась Татьяна.

– Где, где... В конюшне, где же ему еще быть, если я на работе?

– А покатайте нас когда-нибудь на этом... коне, – у Татьяны улыбка не сходила с лица, ее зеленые выпуклые глаза весело щурились, она была похожа на хулиганистую старшеклассницу, а не на учительницу химии, которая работала в

школе уже четвертый год.

– Это вам не качели, это боевой конь, – сквозь зубы процедил Димон.

– А меня покатаете? – лукаво улыбнулась Лена, и Димон сразу растаял.

– А вас, Лена, обязательно покатаю.

– Спасибо, – ласково проворковала Лена и улыбнулась.

Он скосил глаза и увидел, как Татьяна подтолкнула Лену локтем в бок и многозначительно хмыкнула. Рот у нее растянулся в улыбке так, что он увидел маленький остренький клычок на том месте, где у всех нормальных людей растет обычный человеческий зуб. «Вот маленькая ведьма, все настроение портит».

Учительши не обращали на его настроение никакого внимания, они смотрели по сторонам и болтали о педсовете.

– Здорово Гасиловский папаша уел наших старых грымз! – подвела итог Татьяна.

– Да мне их, честно говоря, жалко. Они же не виноваты, что у них времени совсем нет, чтобы уровень держать. Пашка, конечно, паразит. Выпендривается перед всеми. Он меня на уроках тоже пытался как-то поддеть. Но ему это пока не удалось. Я думаю – вдруг удастся? Как тогда реагировать, чтобы не уронить себя в глазах детей?

– В рожу плюнуть! – тут же посоветовала Татьяна и захохотала так, что задребезжали стекла.

– Боюсь, его папаша меня тогда побьет, – рассмеялась Ле-

на. – Знаешь, что я теперь делаю? Я на уроках иногда провожу параллели, рассказываю о зарубежных писателях, если удастся к теме привязать И тут же спрашиваю у Пашки – а ты слышал о таком-то? А такую-то книгу читал? И выбираю совсем малоизвестные имена. Он только глазами своими сверкает, что-то мычит в ответ, а сам-то не знает! – торжествующим тоном заявила Лена.

– Ну, у меня он сидит молчком, на химии особо не поизгаляешься. Ее понять надо. Это тебе не литература и не география.

– И то правда, – отозвалась Лена. – Я в химии ничего не понимаю.

В Озерках Димон решил зайти в библиотеку вместе с девушками. Он слонялся между стеллажами и присматривался к книгам, которые выбирали его попутчицы. Взгляд его упал на книгу «Маугли» и он с удивлением прочитал на корешке имя автора – Киплинг. Когда-то в детстве он посмотрел мультфильм и очень его полюбил. Димон даже не задумывался, что у этой сказки есть автор. Все сказки он считал народными. Он вытащил книгу и стал ее листать. Подскочила вездесущая Татьяна. Заглянула из-под его рук на заглавие книги и зашлась в смехе.

– Чего ты? – улыбаясь спросила Лена.

– Наш бравый конник – большой любитель детских сказок, – ответила наконец Татьяна, вытирая слезы.

– А, может, он сестре хочет взять? – вступилась за Димона

Лена.

– Да, хочу взять сестре, – покраснев, как рак, ответил Димон и пошел записываться в библиотеку. Чтобы девушки не подумали, что он совсем темный, по дороге прихватил первую попавшуюся книгу, решив про себя, что через неделю сдаст ее, даже не открывая. Книги он читать не любил, считал, что они забивают голову.

Татьяна и тут не оставила его в покое. Она заглянула на название и ее голос выразил крайнее изумление.

– Пу И... «Воспоминания последнего императора Китая». Дима, оказывается, вы читаете такие серьезные книги?

Если бы не лукавые искорки в ее зеленых вылупленных глазах, Димон поверил бы, что она задает этот вопрос с искренним уважением к его читательским интересам. Но он уже понял, что она как Пашка Гасилов, только выбрала себе другой объект для насмешки.

– Я люблю книги про императоров, – злобно ответил он и понял, что возненавидел ее до конца своей жизни.

Всю обратную дорогу он мрачно молчал, считая, что так тщательно подготовленное свидание сорвалось, и все из-за этой жабы, ведьмы, которая и предмет преподает такой отвратительный, как раз ей под стать. Еще в школе от слова «химия» его воротило. Но у него преподавала пожилая учительница Мария Ивановна, которая проработала в школе сорок лет и дорабатывала последний год, поэтому ничего от детей не требовала. Лишь бы списать уметь. А эта, видать, и

на уроках над бедными детьми издевается. Вон, даже Пашку Гасилова сумела укоротить.

Как ни странно, после этой неудачной поездки Лена ему показалась такой близкой, такой родной, словно между ними исчезли все преграды. Она тоже при встречах держалась с ним так просто, словно они уже давно были друзьями. И хотя Димону хотелось совсем других отношений, он никак не мог придумать, как себя вести, чтобы Лена наконец увидел в нем не просто обычного парня, а человека, который готов ради нее на все. Каждый раз на приглашения Димона пойти с ним в кино или на танцы, Лена отвечала отказом, но мягко и в глазах ее он видел сожаление, поэтому продолжал на что-то надеяться.

Как-то он в казачьей форме пронесся по улицам станицы, торопясь на очередной смотр, и решил изменить свой обычный маршрут – свернул на улицу, где в доме бывшего мента жила Лена. У самого дома он натянул поводья, конь замедлил ход и пошел шагом. Димон гордо восседал на коне зная, что форма ему очень идет. Еще Аленка иногда заставляла его надевать форму, когда приходила к нему ночью. И потом любила сама его раздевать, приговаривая, что когда он в казачьих штанах, у нее возникает прямо дикое желание им овладеть.

Лена возилась во дворе, поливала цветы, и увидев над забором голову Димона, от удивления распахнула свои необыкновенные русалочьи глаза.

– Дима, – восхищенно произнесла она, – как вам идет форма! Вы прямо как казак со страниц книги Шолохова «Тихий Дон»!

В ее словах прозвучало такое искреннее восхищение, что Дима просиял от счастья. Он ей нравится! Иначе зачем бы она так им восхищалась?

Ночью ему снилась Лена, которую он держал в объятиях и любил ее, любил, испытывая такое наслаждение, какое никогда не испытывал даже с Аленкой. Во сне вдруг белая прозрачная кожа Лены потемнела, она оскалила свой большой рот и лязгнула железными зубами. Он проснулся весь в поту и на следующий день, встретив Лену на улице, сказал, что больше так продолжаться не может. Он ждал, что она сама обо всем догадается, но теперь решил сказать, что любит ее. И пускай она скорее станет его невестой, и если она согласна стать его женой, он готов хоть сейчас повести ее расписаться.

Лена выслушала его, а потом сказала, что по ряду причин она сейчас не готова ему ответить.

– У тебя кто-то есть? – спросил он сразу.

– Был. Давно. Но я все еще не могу его забыть, – ответила Лена.

– Со мной забудешь, – просто пообещал Димон. И не нашел ничего умнее, как добавить:

– Я тебе каждый день раков ловить буду.

– Верю, – улыбнулась Лена. – Но пока я ничего не могу тебе сказать.

Дима ушел окрыленный. Если бы хотела отказать, отказала бы сразу.

А Лена думала о том, что никогда, наверное, не научится отшивать настойчивых поклонников так же ловко и бесстрашно, как это умела делать бойкая хохотушка Танька. За ней тоже пытались ухлестывать местные парни. Но она была такой острой на язык, так отбрасывала их, что вскоре ее просто начали побаиваться. Вроде ничего особенного и не скажет, но так остроумно, что все вокруг хохочут. Обидно, унижительно, но придаться не к чему. Потому что не хочется показывать, что слова какой-то учительши больно задели. Лучше держаться от нее подальше.

– Танюш, ну что ты их всех так унижаешь? – спросила ее как-то Лена. – Ведь им обидно!

– А что – хороводиться с ними как ты? А потом не знать, куда от них деваться? Ты предпочитаешь отрубать коту хвост по частям. А я одним махом. Раз – и в ауте. Может, я неправильно выразилась? – забеспокоилась она. – Но ты меня и так поняла. В общем – ну их всех на фиг. Мне такие женихи не нужны. О чем я с ними говорить буду? Об огородах? Ты видала какие у них огороды? А всякие там козы, бараны, куры, петухи? Выходить за таких, чтобы потом пахать до посинения? Да на их мамаш глянешь и сразу все понятно станет. Им нужно, чтобы жена сына с утра до ночи их хозяйство обихаживала. А я человек городской. Поработаю еще с годик и в Ростов вернусь. К папе с мамой. Папа у меня в военном

училище преподает. Жениха мне подыщет приличного.

– А что ты тогда здесь делаешь?

– Отдыхаю от плотной родительской опеки, – рассмеялась Танька. На щеках ее заиграли ямочки, большие зеленые глаза лучились, дивные густые каштановые волосы блестели на солнце. Танька была так хороша, что Лена поняла всех ее поклонников. Но характерец конечно тот еще. Танька никому спуска не давала. Ни ученикам, ни учителям. Даже с Фантомасом разговаривала так, что он не знал, как реагировать. Однажды от растерянности даже пригрозил Таньке, что вызовет ее родителей. Танька потом рассказывала Лене, что чуть не умерла от смеха. Представила, как ее папа в форме полковника выслушивает претензии директора школы, что его дочь, молодой специалист Татьяна Ивановна Солодова никого не боится и нет для нее никаких авторитетов. Вот в чем он ее обвинял, когда она отказалась отдать ему свой любимый 10-Б класс в обмен на сумасшедший 7-Б. Директор школы тоже преподавал химию и дети на его уроках буквально засыпали, кроме 7-Б, который вечно ходил на головах.

Димону даже в голову не приходило, что Лена просто не решается бортануть его, поскольку уже наслушалась о «подвигах» казаков в станице и о том, что Димон – самый отчаянный из них, да не просто удалой казак, а совершенно бесбашенный. Это ухаживая за ней он проявляет несвойственную ему мягкость и нерешительность. А на самом деле он совсем другой – наглый и агрессивный. Она привыкла делить-

сы с дядей Володией своими проблемами, и когда в разговорах стала упоминать имя Димона, Володя сразу ее предостерег:

– Держись от него подальше, племяншка. Опасный он человек. Как бы не обидел тебя... Если совсем оборзееет со своими приставами, скажи мне. Я ему быстро мозги вправлю, – дядя Володя сжал пальцы в кулак и потряс им воздухе. Лена поняла, что дядя ее в обиду не даст. Но он же немолодой уже...

– Дядя Володя, да он такой бык... – решила напомнить она о физическом превосходстве Димона.

– Не волнуйся, Лена, я найду на него управу, – заверил ее Володя. Но Лена все равно старалась не обострять ситуацию, была с Димоном сдержанно-вежливой, а он считал это хорошим знаком – не прогоняет, значит он ей нравится.

Димон был потрясен тем, как Лена обошлась с ним сегодня. Оказывается, вот какой она бывает. Со всеми приветливая, вежливая, культурная девушка, да и с ним до сих пор такой была. А именно сегодня, когда он у всех на глазах спьяну признался ей в любви, невестой назвал, она разговаривала с ним, как с каким-то лохом и готова была спустить курок. Так унизила его! Он заскрежетал зубами. Раз она так с ним при людях, то и он теперь будет с ней по-другому. Хватит обманываться. Вовсе не от скромности или каких-то там сопливых воспоминаний о бывшем любовнике она был с ним такой ласковой и добренькой. Боится она его, вот что. И правильно, что боится. Потому что и не таких ему приходилось

обламывать. Ментовка сучья...

Димон уже забыл, что боготворил Лену и совсем недавно боялся даже подступиться к девушке. После прилюдного унижения хотелось только отомстить ей, и он знал, как.

Старый казак Деревянко улучил момент, когда его жена Верка прилипла к низенькому забору, обсуждая с соседкой Настасьей последние станичные новости, и бочком, бочком захромал к калитке. Вчера, после очередной воркотни сварливой жены наконец смазал петли машинным маслом, так что вышел тихонечко, калитка не скрипнула. Жена теперь не меньше часа будет трепать языком, как помелом. Ее хлебом не корми – дай посплетничать. А он после трудов праведных всю траву успел выкосить на подворье, и теперь ломанул в кабак. Верка, чертова баба, последнее время особенно рьяно принялась за его воспитание. Куда бы он не спрятал бутылку, находила и перепрятывала. Вот же зараза, нюх у нее на самогонку. У него, хоть тресни, такого нюха не было. После ее ревизии ройся, не ройся – бутылка исчезала, словно ее и не было. Вроде и прятать ей особо некуда, свое хозяйство он знал, как свои пять пальцев, а ведь находила куда спрятать! Выливать содержимое бутылок не стала бы ни за что, еще не родился такой человек, который переплюнул бы ее в жадности. И продавать бы не стала, скоро у них юбилей, пятьдесят лет совместной жизни, которая скорее похожа на бессрочную каторгу. Так что копила его законную самогонку скорее всего на богатое застолье, о котором ему все уши прожужжала еще с прошлой осени. Деревянко любил выпить, но

поддержки в небольшой слабости от жены никогда не получал. Сплошное порицание. Ругань одним словом. Но хитрости ему не занимать, удавалось припрятать от пенсии кой-какую мелочишку, чтобы совсем не захиреть от трезвой жизни. И при первой возможности шкандыбал в кабак, благо недалеко ходить, на соседнюю улицу. Верка иногда, увлекшись перебиванием косточек соседей с такой же пустобрешкой Настасьей, не успевала даже заметить, что Григорий уже слинял со двора. А он, хоть и не слишком прытко ходил, успевал выпить в «Лимане» за свое здоровье и благополучно вернуться домой. Сидел потом довольный на завалинке, курил дешевые папиросы, пускал дым колечками и хитро поглядывал на жену. Со спины она еще совсем ничего была – крепкая старуха, задастая, ноги как у молодой, по хате пройдет – посуда в буфете звенит. И пока та не поворачивалась к нему лицом, он был настроен к ней весьма благодушно. Но стоило ей развернуться и открыть свое хайло... Правда, Деревянко за полвека уже наловчился отключать свое сознание в моменты яростного извержения гнева супружницы. Когда-то, еще в молодости, пытался он приструнить жену. Но баба ему досталась не робкого десятка, и руки у нее были в молодости крепкие, как у мужика. Иной раз двинет так, что он, сильно проигрывавший ей в весе, не всегда мог устоять на ногах. Тогда, смешно даже вспоминать, он гордился ее силой. Крепкая баба на хозяйстве дорогого стоит. Да только поздно понял, что сила эта была злая, пугающая.

Деревянко вспомнил с досадой историю своей женитьбы. И не помышлял он тогда семью заводить. Кто же в станице в двадцать лет женится, когда даже на ногах еще толком не стоишь? А окрутили его мать с Веркой так быстро, что он и опомниться не успел. Конечно, сам виноват, чего уж там. Гулял тогда на веселой свадьбе соседа Митрофана и этой самой Настасьи и спьяну пригласил Верку на сеновал. Он особо ни на что и не рассчитывал, думал – потискает ее крепкое налитое тело, может – ущипнет пару раз ядренные ягодички, уж очень они были привлекательные. Кто ж знал, что она позволит большее? Он даже не успел обнять ее, как Верка навалилась на него горячим телом и стала вытворять с ним что-то такое, отчего было и стыдно, и приятно. Всего один разочек и покувыркались в сене. А она, подлая, потом к его матери пошла, пожаловалась, что младенчик у нее от Митьки будет. Что насильно ее затащил, а она слабая, не сумела отбиться, свою девичью честь отстоять. Мать с сомнением оглядела фигуристую Верку, с трудом представив, как Митька мог с ней совладать, если бы она сама этого не захотела. Но раз девка забрюхатела, а Митька не отрицает, что провел с ней какое-то время на сеновале, должен грех Веркин покрыть. Иначе девке житья не будет в станице. Кто ее такую тогда в жены возьмет? Ходили потом слухи, что Верка обманула и бедного Митьку, и его мамашу. Ребеночка прижила с заезжим шабашником. Кто-то видел, как они вместе возвращались с Ялпужанки в темноте. Что они там делали, спра-

шивается? А уж потом, когда шабашник уехал и носа не казал в станицу, а она поняла, что младенчик у нее завязался, заманила дурака Митьку, чтобы было на кого свалить нечаянный приплод. Ох, как Митька не хотел жениться на Верке, в ногах у матери валялся, плакал, что молодой еще и не погулял толком, что отцом ему рано становиться, что рядом с Веркой он как комар против курицы – клюнет и проглотит. Но мать строгая была, царствие ей небесное, велела Митьке слезы не лить, чай не девица, а повести себя, как мужик.

– Хватило ума потоптать девку да младенчика ей сделать – значит мужик ты теперь. И будь мужиком. Неча баб портить. Отвечай за себя сам, хватит за материну юбку держаться.

Когда родился мальчишка, Митька сначала очень радовался и гордился. Ни у кого из его друзей детей еще не было, да к тому же с первого раза – и сынок получился. Но потом стал приглядываться – а на кого же сынок похож? Что-то в нем было от Верки, но вот своего он не видел ничего, как ни старался. Мать помалкивала, внучка полюбила, Верку не корила. А чего теперь задним умом гадать? Сын пристроен, семейный он стал гораздо серьезнее. Ну рано оженила она его, зато такую хозяйственную бабоньку заполучила. В станице поболтали, поболтали да и перестали перемывать косточки семье Деревянко, надоело, другие новости не заставили себя долго ждать. Станица большая, людей много – то похороны, то свадьба, то крестины, то драка между мужиками, то бабы друг другу волосья выдирают за одного мужика. За всеми и

не уследишь, новостями делиться нужно, так как жизнь наполненная и многообразная.

Верка показала себя хорошей хозяйкой, не ленилась, все на себе тащила. Иногда у Митьки закрадывалась крамольная мысль, что мать нарочно его оженела, чтобы было на кого хозяйство свалить. Потому что хворала она часто, а отец Митьки к тому времени помер, утонул в Ялпужанке. Никто и не знал, как такое с ним приключилось. Шептались – водяной утащил, потому что отец был заядлый рыбак и проводил на воде в своей утлой лодочке чуть ли не все время. Митька привык к жене и даже по-своему полюбил. Ему нравилось наблюдать за ней, как все спорилось у нее в руках, как уверенно она передвигалась по дому, тяжело ступая – крупная, грудастая, с большим задом, глядя на который так и хотелось ущипнуть. Иногда он протягивал руку, но тут же и отдергивал. Верка была хозяйкой и в постели. Допускала к телу не часто, соблюдала меру, чтобы не баловать мужа, но одновременно следила, чтобы у него не возникало соблазна гулять на стороне. Но Митька и так со своими скромными потребностями не помышлял о том, чтобы подкатиться к какой-нибудь бабе. Хотя были, были случаи, когда и Наталья-вековуха, и мужняя жена Анята намекали ему, когда дверь на ночь не запирают. Но Деревянко делал вид, что намеков не понимает. У него своя ешь для таких надобностей. И если бы не сварливый характер да тяжелая рука Верки, Митька был бы, наверное, с ней счастлив. Но от ее лютого характера

даже сынок Глеб сбежал из родительского дома, как только в силу вошел. Вот смеху-то было на всю деревню. И позору на голову стариков Деревянко.

Когда Глеб привел в семью молодую жену Люську – тихую, робкую немногословную, свекруха ее сразу невзлюбила.

– И где ты ее только такую надыбал? – упрекала она сына. – Своих, что ли мало? Да в каждом втором дворе девки на выданье – и фигурой крепкие, и приданое за ними немалое...

Это она намекала на невысокий рост и худобу невестки и то, что привезла она с собой небольшой чемоданчик с убогим барахлишком. А привез ее Глеб из Калуги, где служил в армии да там и познакомился с дочкой санитарки военного госпиталя, когда лежал с такими же бедолагами с дизентерией. Люська забегала иногда к матери, да так и познакомилась. А какое приданое могла накопить для дочери санитарка, если в доме еще трое младших, а муж харкает кровью, доживая последние деньки и его даже в госпиталь уже не берут? Старик Деревянко невестку полюбил за ее тихий нрав и ласковый взгляд голубых глаз. А Верке, конечно, на городскую красоту было наплевать. Что ей васильковые глазки да робкая улыбка на бледном личике? Ей нужна была помощница на хозяйстве, чтобы справлялась со всеми многочисленными обязанностями играючи, как она сама в молодые годы. Да чтобы бедра были широкие внуков рожать таких

же крепких. А эта городская приبلуда даже ведро с водой волокла, казалось, из последних сил. Глеб характером тоже не в мать пошел. Не мог оборонить свою жену от материнной лютости. Но и уходить из дома боялся, чтобы скандала не было. Так и жили-мучились, и ночами утешал он свою молодую жену, когда та тихо всхлипывала у него на плече, потому что знала – за стеной свекруха прислушивается к каждому звуку. Даже поплакать вволю было страшно. Дождались они однажды, когда мать пироги затеяла лепить на кухне. А сами договорились с соседом, что грузовик подаст поближе к двору, но не к воротам. Чтобы мать не заметила, как они выметаться будут. Все свое небогатое имущество в узлы завязали да через окно и вытащили. И сами в окно попрыгали, задними дворами на улицу выбрались. Кое-кто из соседей с веселым любопытством наблюдал бегство молодой семьи из родительского дома, но никто не спешил доносить Верке, какое кино она пропускает под самым своим носом в то время, когда толкла картошку для начинки. А зато какой скандал разгорелся, когда Верка зашла к молодым попенять, что сидят да милоются в комнате, а дела стоят. А их и след уже простыл! Она даже не сразу поняла, куда они девались и почему в комнате беспорядок. А потом такой хай подняла, что все соседи вмиг собрались, как на похороны. Только слез никто не лил, все держались за животы и смеялись так, как никогда. Досталось бедному старику Деревянко, что не устерег сына.

– Это ты им потакал, – вопила она на мужа.

А он растерянно моргал подслеповатыми глазами и разводил руками. Дескать, знал бы, что надумают сбежать, глаз не спускал бы. А сам думал: «Ну и молодцы, и правильно. Зачем свою жизнь с такой ведьмой портить? Это я уже старый, деваться некуда. А молодость должна в радости да любви расцветать».

Глеб с Люськой недалеко уехали, в Ворыпаевку. Сняли комнату у одинокой старушки на окраине, чтобы дешевле платить было, и зажили дружно и в согласии. Никто теперь не ворчал на них день деньской, не попрекал бездельем. Глеб устроился водителем-дальнобойщиком на грузовую фуру, зарабатывал неплохо. Люська медсестрой в больницу. О родителях не забывали и при случае передавали через знакомых привет отцу-матери. Но адрес свой не говорили. А когда улеглось все, Верка поостыла, тогда они и приехали прощение просить. Через полгода после бегства. Верка для порядка еще поругала, поскандалила, а потом плюнула и простила. Все-таки единственный сынок, от доходяги мужа почему-то детки не завязывались. Даже иногда стала ездить в семью сына с деревенскими гостинцами. А когда родилась у молодых девочка, не поскупилась на приданое, выделила деньги и торжественно вручила пакет, завернутый в газету. Все-таки не чужая кровь. Хотя малышка родилась шупленькая и беленькая, как ее мать, но голосистая, прямо как Глеб в младенчестве. А старик и вовсе души не чаял в Надюшке,

первую кроватку ей своими руками смастерил. Да с резьбой, как царскую. Люська даже расплакалась, увидев такую красоту. Сказала – в книжке видела про музей какой-то, там похожая была на фотографии, царского младенца в ней качали когда-то.

В последнее время Верка не дралась. То ли надоело, то ли силы уже не те были. Так что Деревянко до тех пор, пока Верка не успевала опомниться, что давно деда своего не пилила, уже успевал и отдохнуть по человечески. А ты давай, старая, принюхивайся да ломай голову, где это твой муженек успел хлебнуть и не на твое ли припрятанное посмел посягнуть? А если не на твое, то откуда он, старый пень, гроши взял да как посмел их потратить на самогонку или горилку? – думал он ехидно в то время, когда его жена, запыхавшись, носилась по двору в поисках его новых заначек. Дура, ну дура, да разве станет он теперь ховать свою добычу? Да он сразу заливал ее в свое горло, чтобы эта бешеная кадушка не отняла и не перепрятала.

Деревянко довольно хмыкнул себе под нос, и, постучав ногами у порога кабака, стряхивая дорожную пыль с кирзовых сапог, распахнул двери. А накурено! Сизый дым попер в открытую дверь мощной ядерной волной. Можно открыть рот и дышать бесплатно, никаких папирос не нужно. Григорий подслеповато всмотрелся в лица мужиков. О-о, казаки гуляют! Посередине залы, как называет неудобное помещение забегаловки буфетчица Зинка, мрачные казаки

сдвинули два стола и восседали как на военном совете. Что-то невесело они сегодня гуляют – отметил Деревянко и тут же вспомнил, что вчера в станице произошли кое-какие события, которые встряхнули всю Новоорлянскую. Младшего брата Куренного убили – пронзила мысль. А вот и сам Куренной во главе стола. Мужик тридцать пять, а он ныне на все пятьдесят выглядит. Лицо аж почернело – и от горя, и от ярости. Скорее всего от ярости. Потому что Олежка, царствие ему небесное, родню свою давно позорил. Все в станице знали, чем он промышляет и на какие деньги машину купил, гуляет с друзьями, одевается в красивую одежду заграничную, когда не нужно в казачью выражаться... А ведь казачьего рода парень, да еще и брат в чинах. Догулялся, жеребец... А что они тут все собрались? Поминки вроде рано справлять, еще и похорон не было.

Не успел он закрыть за собой дверь, как все за столом оглянулись и Димон безо всякого почтения к возрасту старого казака окрысился:

– Не видишь, Григорий Алексеич, совет у нас тут! Чужим вход воспрещен!

– Та я тильки выпить, – извиняющимся тоном прошеле-стел Деревянко. Совсем не хотелось попадать под горячую руку злого Димона, но и выпить он имел полное право. Чай не частное это заведение, а общественное.

– Иди сюда, Григорий Алексеевич, – сурово позвал его Куренной. – Выпей с нами за помин погубленной души мо-

его единственного брата Олежки. И иди себе с Богом. У нас тут разговор серьезный.

Дервянко с чувством собственного достоинства подошел к столу, кто-то подал ему стул, Куренной плеснул в стакан водки.

– Нехай земля ему пухом, твоему Олежке! – опрокинул стакан вожденной жидкости Дервянко. Все молча последовали его примеру. Дальше задерживаться было уже неудобно, и так честь оказали, и Дервянко вылез из-за стола.

– Возьми с собой, – вручил ему бутылку «Столичной» Куренной. – Извини, Григорий Алексеевич, дома выпьешь.

Дервянко сдержанно поблагодарил Куренного и вышел на крыльцо. Свежий ветерок пробежался по лицу, солнечный луч, попав в глаза, выдавил слезу. Старый казак вытер ее кулаком и вздохнул. Вот бедолага Олежка, хоть и непутевый младший сын у Куренных, но ведь совсем молодой был. И такой страшной смертью помер, прирезал его москвич какой-то, вся станица об этом калякает... Прирезал ни за что и убег куда-то. Всю ночь его ловили – и милиция, и казаки, всю станицу переполошили. Только затаился он где-то. Дервянко засунул бутылку за пазуху и решил домой не возвращаться. Верка сейчас начнет его обнюхивать, есть поедом, а куда ему прятать бутылку – уже никакой фантазии не хватает. Лучше сейчас прямым ходом на речку Ялпужанку. Сядет культурненько в ивняке, выпьет свое законное на природе да

в тишине. А Верке скажет, что сам Куренной угостил. Уж тогда старая не посмеет свою щербатую пасть открывать да гнобить мужа! Старшего сына Куренного тут все уважают. А если и врут, что уважают, так боятся точно.

А в кабаке тем временем продолжалось разбирательство, которое никому ничего хорошего не сулило. Куренной до поры до времени сдерживался, только метал злобные взгляды на Димона.

– Ну шо, Дмитрий Михалыч, скажешь мне? Ты объезд в то утро делал? Почему ты сразу не привел его сюда, а отдал этим дуракам из милиции?

– Так... – замялся Димон, не находя убедительных оправданий. – Кто ж знал?

– Хлопцы сказали, что он показался вам подозрительным. Ты был в патруле – с тебя и спрос.

– Почему с меня? – попытался удивиться Димон. Но по его виду всем стало ясно, что он чувствует свою вину.

Куренной вспыхнул мгновенно.

– Да потому, что ты совсем нюх потерял, Димон! Тоби башку отрежут, а ты и не заметишь, потому как мозги у тебя совсем в другом месте! Как так могло случиться, что на моей земле появился какой-то хер, сбежал из ментовки верхом, как гребаный Зорро, ридного моего братана убил и этого гада уже сутки не могут найти? А? Шо это за сказки про козявочку?!

Димон молчал, опустил глаза. Обычно самоуверенный и

наглый, перед Куренным он стушевался, и ему на помощь пришел один из казачков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.